

12+

ЭЛЬБРУС МЯУС

МАГИЧЕСКИЕ БЕЗОБРАЗИЯ

Эльбрус Мяус
Магические безобразия

«Автор»

2019

Мяус Э. А.

Магические безобразия / Э. А. Мяус — «Автор», 2019

Что-то странное творится в северном городе, а конкретно в одной общеобразовательной школе: то легенды жуткие рассказывают, то невидимка играет на пианино, то компьютеры шалят. А возле столовой живет странный ученик, называющий себя магом. Знала ли Варя, идя в новую школу, что окажется в круговерти необычных приключений? Конечно, нет. Что вы говорите? Она и сама не так проста?..

© Мяус Э. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Часть 1

Прыг-скок, или все сначала!

1

Пасмурное сентябрьское небо низко висело, портя своим видом настроение, добавляя размытому пейзажу более серый оттенок. Короткое северное лето окончилось, утратив права собственности. Варя Измайлова неторопливо шла в новую школу. Пересекая улицы, она брела в зеленых наушниках, слушая песни «Maximum The Hormone»; ¹вокруг мелькали машины, витрины магазинов, деревья. По сравнению с небольшим городком, где выросла девочка, областной центр казался ей едва ли не мегаполисом. Хотя это было большим преувеличением.

Когда на часах высветилось половина девятого, перед Варей выросло огромное, в три корпуса, трехэтажное, в темно-коричневых тонах, здание школы номер шестнадцать. Ощущение оно производило не очень приятное, несколько отталкивающее, но в целом терпимое. Внутри же все блестело чистотой и новизной: стены мягких тонов, в холле большое зеркало, вахта. Двери в раздевалку были открыты, и повсюду стоял шум, и везде сновали старшеклассники. Младшеклассников в первом корпусе не было, так как они учились в третьем, средняя же ступень обитала во втором.

Избавившись от верхней одежды, Варя направилась на второй этаж, где находился кабинет 10 «В». Когда она вошла, никто не обратил внимания, не окликнул ее и даже не поздоровался. Это и была та разница, к которой приходилось привыкать. Закончив 9 класс, девочка решила уехать из закрытого городка. После долгих уговоров родители разрешили, и теперь Варя жила с дядей, –одиноким и вечно работающим папиным братом, – который был рад компании.

Варя оглядела кабинет и поняла, что в своих джинсах, выделяется куда больше, чем остальные ребята, одетые опрятно и несколько официально несмотря на то, что сегодня второе сентября, а от праздничной линейки осталось лишь воспоминание. Девочка вздохнула. Ее одноклассники выглядели веселыми, было очевидно, что они знакомы не первый год. Варя отвела взгляд и, засунув наушники в уши, легла на парту. Полчаса, чтобы насладиться музыкой. Первая песня еще не окончилась, как на ее плечо легла чья-то рука. Варя подняла голову, чтобы возмутиться, но застыла с удивленным лицом.

– А вот и ты, Варешка! – усмехнувшись, сказал мальчишка, когда она вытащила наушники.

– Что ты здесь делаешь? – выдавила девочка, гадая, не мерещится ли ей все это. Высокий, русоволосый, зеленоглазый, шестнадцатилетний подросток, напоминал задиристого воробья. Его короткие волосы топорщились, а одежда была чуть-чуть помятой.

– Как что, учусь! – хмыкнул Игорек и, растопырив руки, произнес: – Ну давай же, прыгай в мои объятия, Варинтина!

А затем мгновенно поднял ее со стула и крепко обнял.

– Как я рада тебя видеть, Шут! – ответила Варя крайне довольная таким поворотом судьбы. – Тем не менее все-таки это полнейшая неожиданность.

– Не волнуйся, – ответил Игорек. – Я пошел в эту школу, сказав отцу, что смогу играть в баскетбол. И это правда. Знаешь, Толик с Леной тоже в нашем классе. Только недавно обоих скосила простуда, так что ты сможешь увидеть их через пару дней.

Варя почувствовала радость и облегчение. Наконец-то рядом с ней будут друзья, с которыми они прошли огонь, воду и прочие химические элементы. Игорек тем временем деловито занял место рядом с Варей.

– Что ж, в ближайшие два года рассчитываю на твою помощь! – подмигнул мальчик.

¹ Японская металл-группа.

Прозвенел звонок, и все стали рассаживаться по местам.

Прошло пять минут от начала урока, а в классе появилась напряженная атмосфера. После звонка в кабинет влетела молодая женщина, одетая в «классику», на пороге споткнулась, отчего все ее книги разлетелись по полу. Ей услужливо помог все поднять элегантный красавчик-отличник Самойлов. Блондинка отряхнулась и смущенно направилась к столу.

– Здравствуйте, все, – начала она. – Меня зовут Звягинцева Алина Николаевна. Я буду вашим классным руководителем.

10 «В» никак не отреагировал, и смущенная женщина начала урок. К радости Измайловой новая классная руководительница преподавала русский язык и литературу, но, к несчастью, походила на затравленное животное. Она недавно окончила институт, и, скорее всего, эта школа – ее первая серьезная практика. Алина Николаевна продолжила урок, все время ощущая оценивающие взгляды, а как только прозвенел звонок на перемену, быстро попрощалась и упорхнула из кабинета.

2

– Как прошло лето? – спросил Игорек, когда после третьего урока они направлялись в столовую. Познакомиться с классом им еще не довелось, поэтому ребята держались вместе. Хотя на перемене перед вторым уроком Игорек успел поговорить с некоторыми представителями мужской половины класса и, кажется, остался довольным.

– Обычно, – буркнула Варя, пытаясь нырнуть в сторону, чтобы ей не наступили на ногу. Она чувствовала себя не в своей тарелке, как человек, купивший новые туфли и обнаруживший, что они ему жмут. В отличие от своего друга Игорька, с которым они были знакомы около десяти лет, Измайлова ко всему новому привыкала постепенно и с большими толчками. Теперешний коллектив показался девочке разобщенным: мальчишки полностью поглощены собственным весельем, а от женской половины класса сквозит холодом и четкой иерархией. Варя не ощущала той теплой и привычной беззаботности, что была в ее прошлой школе.

– Разве лето может пройти обычно? – Игорек шутливо хлопнул ее по плечу. За разговором и общим шумом друзья добрались до столовой, представлявшую собой большое помещение размером со спортзал, стенами цвета вареной сгущенки, сероватым полом, темно-коричневыми длинными столами и скамейками. Окна в столовой были большими, зарешеченными и прикрытыми белыми тюлевыми занавесками.

Стол 10 «В» находился в середине зала, и мальчишки тут же налетели на завтрак, словно голодные аборигены. За ними стайкой лебедей проплыли девчонки во главе со Копейкиной Светланой – самопровозглашенной королевой класса. Копейкина смерила Варю ледяным взглядом и, не сказав ни слова, принялась за кофе. Вокруг Светы тут же собрались ее подружки-служанки и правая рука – Дмитрова Катя – девица, любившая совать свой нос в чужие дела и собирать сплетни по школе. Варя Измайлова и Шутинов Игорь подошли к столу последними. Девочка почувствовала себя уставшей и, разочарованно вздохнув, с аппетитом откусила булочку с пудрой.

Тем временем столовая постепенно наполнялась людьми, шум нарастал с каждой секундой сильнее, словно море в шторм. Со всех сторон разговаривали, гремели стаканами и громко смеялись. Уже жалея о своем выборе, Варя отпила кофе и бросила взгляд на выход, думая поскорее вернуться в класс. Затем, сместив взгляд влево, девочка прошла по одноклассникам, остановившись на столе, за которым завтракали ребята из 11 «А».

Их стол, казалось, несколько выпадал из общей картины бесполезной суеты. И хотя разница между ними была всего в один год, старшеклассники выглядели спокойнее и как будто

на порядок взрослее. В конце длинного стола стоял высокий юноша, с копной черных волос и несколько странноватой улыбкой, он помешивал сахар в стакане и ел шоколадный батончик.

Внезапно он прекратил свои манипуляции с кофе и, пристально посмотрев на Измайлову, выпил содержимое в один глоток. Девочка удивленно замерла, гадая, действительно ли на нее смотрели или нет.

– Эй, Варешка, – ее легонько толкнули в плечо, и она повернулась. – Ты все? Пойдем, у нас сейчас история.

И, договорив, Игорек первым направился к выходу. Девочка снова посмотрела вперед, но странный старшеклассник уже исчез.

Прозвенел звонок на четвертый урок, и школу окутала тишина. Варя Измайлова, позабыв о занятиях, стояла между входом в столовую, откуда доносился шум посуды, и лестничной клеткой, ведущей на второй этаж. Девочка стояла, все еще не веря собственным глазам, – справа была маленькая лесенка в пятнадцать ступенек, которая вела вниз. Что же в этом такого удивительного? Казалось бы, ничего необычного, простая лестница, ведущая в подвал, либо в какое-нибудь кладовое помещение, но всего пару минут назад Игорек сказал Варе, что там сплошная стена, что Варешке пора бы уже проснуться. Но она отчетливо видела ступеньки!

Простояв еще минуту, осторожно, маленькими шажками, Варя спустилась вниз. Ничего страшного не произошло, и перед ней выросла тяжелая, старого вида дверь. Дернув железную ручку, она вошла внутрь.

Это оказалось большое помещение в несколько комнат. Первая напоминала кабинет: три стеллажа с книгами, высились под самый потолок; по центру помещался большой прямоугольный письменный стол, также заваленный стопками книг, какими-то бумагами и пишущими принадлежностями. У дальней стены, небрежно накрытый красным вязаным пледом, стоял черный кожаный диван. Пол представлял собой паркет, а окна отсутствовали. Комнату заливал яркий свет, а двери в другие были заперты.

Варя огляделась, не зная, что делать – немедленно уйти или остаться. Все это казалось ей любопытным, но мысль о том, что она вошла без разрешения, заставляла ее колебаться. Однако мучения девочки рассеялись через секунду, так как дверь вновь открылась, и перед ней предстал тот самый исчезнувший старшеклассник. Он выглядел несколько рассеяно и держал в руках пакет с конфетами, но теперь Измайлова могла рассмотреть его как следует. Вблизи он оказался еще выше (где-то на пятнадцать сантиметров), его прическа была в полном беспорядке, словно после сна, а глаза большие, миндалевидной формы и почти черного цвета. Черты его лица были правильными, губы тонкими, а во рту торчал леденец.

– Извини, я случайно зашла, – опомнившись, начала бормотать Варя, на что юноша лишь хмыкнул и, запуская ладонь в густую шевелюру, почесал затылок. Затем, положив конфеты прямо на тетради, уселся в кожаное кресло и окинул девочку выразительным взглядом.

– Точно, – он щелкнул пальцами. – Ты та девчонка из столовой. Учтывая твой вид, странно, что ты учишься в том классе. – Варя удивилась, возмущенно думая, что не так с ее видом, а юноша продолжал: – Ногти оранжевого оттенка, на голове странная прическа, одета в джинсы – все это плохо для тебя.

– Какая наглость, – отрезала Измайлова. – Ты сам одет в джинсы и выглядишь не менее странно.

– Да, но я учусь в другом классе, – ответил он, помолчал немного и снова начал говорить. – Ты обиделась? Я говорил в хорошем смысле. В вашем классе своеобразные девочки учатся. У тебя могут возникнуть проблемы.

– Если они возникнут, я как-нибудь их решу, – сказала Варя. – Сейчас это неважно. Скажи мне, что это за место? И кто ты?

– Мой дом, – ответил юноша, раскусив леденец. В комнате запахло клубникой. – Меня зовут Рин, и я волшебник.

Измайлова подергала себя за правое ухо, проверяя, не послышалось ли ей. Но, посмотрев на лицо этого шутника, поняла, что услышала правильно.

– А твой отец – Мерлин? – скептически спросила она, пытаясь осмыслить ситуацию спокойно. Не то, чтобы девочка не поверила, просто воспринимать Рина серьезно не получалось.

– Нет, – Рин открыл пакет с конфетами и начал есть, – но они знакомы.

– Ты же понимаешь, что твои слова выглядят, как полнейшая ерунда? – спросила Варя. Рин снова замолчал, нахмурил лоб и, изобразив на лице муку, обдумывал ее слова.

– Я так не думаю! – ответил он, спустя несколько секунд. Он съел еще одну конфету. – В любом случае все сказанное мной – правда. Верить или нет – решай сама.

Рин договорил, взял еще конфету и скрылся за одной из дверей, оставив Варю в одиночестве. Девочка опешила от такого равнодушия, но решила, что не уйдет, и стала обследовать комнату еще раз. На столе лежали учебники на русском языке, которые использовали в школе номер шестнадцать, два толстых словаря, три учебника по механике различных авторов, испанский разговорник, книга об искусстве на английском языке, а также небрежно брошенные тетради. Одна, полуприкрытая пачкой конфет, была раскрыта, и Варя увидела, что она исписана красивым ровным почерком. В подставке из камня стояло перо, несколько ручек, обычных и ничем не примечательных, флажок рыжего цвета и короткая линейка. Рядом с подставкой расположилась тушь для письма.

Закончив осматривать стол, Варя подошла к стеллажам и, разглядывая разные названия на корешках, сделала вывод, что ее новый знакомый любит читать, и читает все подряд. Больше ничего интересного ей не попало, и, разочарованно поникнув, девочка села в кресло, решив дождаться возвращения хозяина. Рин, словно растворился, за дверь не доносилось ни звука, вокруг установилась тишина, и Варю стало клонить в сон. Девочка клевала носом, часов в комнате не было, и ей казалось, что прошла уже целая вечность.

Когда хлопнула дверь, и Рин вновь вошел, Измайлова от неожиданности подпрыгнула на месте и ословело захлопала глазами. Юноша поставил на стол чашку с чаем и сел напротив, в другое кресло неизвестно откуда взявшееся.

– Ты осталась, – он улыбнулся. Надо признаться, улыбка шла ему, делая лицо более мягким и добродушным. Отчего хотелось улыбаться в ответ.

– Допустим, что ты сказал правду, – потирая глаза, сказала Варя, возвращаясь к предыдущему разговору. – Почему ты здесь живешь? Это школа!

– Это правда, – упрямо повторил Рин. – А живу я здесь, потому что так удобно.

– Однажды тебя обнаружат, и это плохо кончится, – ехидно произнесла девочка.

– Мое секретное жильё нельзя обнаружить, – пожал плечами, ответил юноша. – Так что твой друг не ошибался, говоря, что ничего не видит.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась Варя.

– Просто услышал, – Рин развел руками. – Кстати, уроки уже закончились. Ты прогуляла последний урок.

Варя резко поднялась с кресла и хотела выбежать обратно в коридор, но через секунду передумала, решив идти домой. Самопровозглашенный маг впихнул ей в подарок ручку, и, машинально положив презент в карман, девочка покинула секретную базу.

К вечеру серое небо окончательно потемнело, ветер усилился, и пошел дождь. Сквозь открытую форточку проникал осенний воздух и шевелил белые занавески. Варя находилась в кухне и под пустую болтовню телевизора готовила ужин для дяди, который задерживался. Она всегда так поступала, когда не хотела, чтобы лишние или странные мысли бомбардировали

голову. Но сколько бы ни пыталась девочка сосредоточиться на телевизоре, то и дело всплывали отрывки дневного разговора и лицо ее нового необычного знакомого. И только сейчас Варя вспомнила о подарке, который до сих пор прятался в кармане куртки. Мгновение – и в ее руке лежит ручка длиной в двадцать сантиметров, синего цвета, сделанная в виде пружины, оканчивающейся большой головой. На лице ручки застыла улыбка с ослепительной белизной нарисованных зубов.

«И что мне с ней делать?» – подумала девочка, тряся предметом из стороны в сторону.

– Прекрати! – рот разомкнулся, и пружинистый человек-ручка прыгнул на стол. – Как грубо!

– Я ничего не видела, – пробормотала Измайлова, разворачиваясь и собираясь уйти.

– Эй, стой! – человек-ручка возмущенно пискнул. Градация его голоса менялась с каждой фразой, как будто кто-то уменьшал и увеличивал громкость каждую секунду. – Тебе ничего не кажется, так что прекрати меня игнорировать.

– Если притвориться, что чего-то нет, – Варя снова повернулась, – то так и будет.

– Да ладно тебе, – человек-ручка снова подпрыгнул. – Во мне нет ничего странного. Я Джо, а ты Варя Измайлова. Приходила сегодня к Рину. Я все видел и слышал. Ох, как же сложно не говорить! А твой карман такой темный! Мне было скучно.

– И зачем ты мне нужен? – вставила слово девочка, пока человек-ручка не начал тараторить снова.

– Этого я не знаю, – хмыкнул Джо. – Просто давай подружимся.

Варя смотрела на подарок с минуту, затем вздохнула и решила, что больше ничему не будет удивляться и примет все странности стойко.

В кухне послышался громкий, хлопающий звук – это была форточка. Ветер снова усилился, порывисто врезаясь в окна, он злился, как сторожевой пес. Небо стало еще темнее, и косой дождь громко барабанил по окну, пытаясь попасть в квартиру. Варя Измайлова вернулась в кухню и, захлопнув форточку, продолжила готовить ужин.

3

Прошло два дня. Варя с воодушевлением шла в школу, ожидая, что наконец-то сможет увидеть своих друзей – Морозову Лену и Пашкова Толика, которые в конце лета умудрились простыть. Эта пара дней показалась ей сумасшедшим сном: после знакомства с Рином, девочка обнаружила причудливые вещи, в виде облакообразных существ различных цветов и размеров. В зависимости от цвета, они вызвали разные ощущения, передающиеся тебе при прикосновении. Некоторые из них имели запах, порой такой отвратительный, что дышать можно было лишь через платок.

Добравшись до школы и посетив гардероб, Варя, перепрыгивая через странные булькающие лужи коричневого цвета, направилась в кабинет истории, где у них так же проходила экономика. Возле соседнего кабинета девочка заметила учеников 11 «А» класса, среди которых отыскала Рина, окруженного ребятами. Эти два дня он как будто игнорировал ее, исчезая при первой же возможности.

Покачав головой, чтобы избавиться от ненужных мыслей, Варя вошла в кабинет. Трое ее приятелей уже расселись на первом ряду и весело переговаривались. Увидев Измайлову, Лена подскочила и радостно замахала руками.

– Ого, ты обрезала волосы, – заметила Варя, садясь рядом. Ее подруга надела клетчатое платье с бантиками и теперь стала выделяться.

– А ты снова с этими косичками! – улыбнулась Лена.

Теперь Варя понимала слова Рина о странных девочках. Копейкина Света и ее подруги создали правила для класса, пользуясь властью школьного совета. Вся женская половина

должна была носить белый верх и черный низ, так как фактически школьная форма отсутствовала. За нарушения правил королева класса наказывала, как ей хотелось. Несмотря на это, Варя продолжала носить джинсы, что не запрещалось уставом школы.

– Что с тобой случилось, Варежка? – спросил Игорек, поворачиваясь к девочкам.

– А что?

– Просто ты вчера так странно шла, перепрыгивая через ступеньки и спотыкаясь на каждом шагу, – играясь с ластиком, сказал Шут, – поэтому я решил, что ты чем-то расстроена.

– Точно, и бледная, – добавил Толик.

– Нет-нет, – покачала головой Варя. – Со мной все нормально.

Толик и Игорек переглянулись и пожалы плечами. Кабинет истории наполнялся десятиклассниками, и стало шумно.

– Так, открываем учебники на странице 13, – начала Галина Федоровна, сидя за своим столом, закинув ногу на ногу и едва заметно трясясь. – Тема урока: «Что такое экономика?» и «Ограниченность экономических ресурсов».

Книги зашуршали страницами, и Галина Федоровна начала лекцию. Ее негромкий голос слабо доносился до последних парт, из-за чего мальчишки, скучая, тихонько переговаривались. Королева класса сидела на первом ряду за первой партой прямо под носом несколько нервной по жизни учительницы, внимательно ловя каждое слово. Копейкина выглядела чисто и опрятно, с застывшим выражением лица она напоминала куклу. Рядом с королевой, конечно же, сидела Катя Дмитрова, время от времени кидая взгляды в разные стороны и что-то записывая в блокнотик. На первой парте среднего ряда разместились сестры-близняшки Маша и Наташа Костик. Черноволосые и сероглазые, они походили друг на друга как две капли воды. Близняшки иногда ходили со Светой, но подружкой ее не считали и постоянно, сохраняя вежливую улыбку, делали про себя определенные выводы.

Варя сидела, периодически зевая и стараясь слушать, но сосредоточиться совсем не получалось. Внезапно девочка почувствовала, как отяжелел воздух, стало трудно дышать, и весь кабинет потихоньку наполнялся разноцветными облачками. Самые маленькие и желто-оранжевые летали под потолком, средние – синего, зеленого, фиолетового оттенков – сидели на плечах, головах и руках ребят. Самое большое – размером с подушку – обитало возле стола Галины Федоровны, безносое и безглазое, оно противно дрожало, напоминая желе. Это облако было коричневого цвета, подобно утренним пятнам в коридоре.

Продолжая подрагивать, коричневый круг медленно полз вверх по столу, пытаясь добраться до преподавательницы. Там, где он проползал, оставался темно-желтый след, на вид неприятный и липкий. Варя напряженно следила, не имея сил отвернуться или сдвинуться с места. Ее охватила паника, но тело застыло, совершенно не слушаясь. Нечто наконец-то достигло вершины стола и как будто довольно заурчало, предвкушая наслаждение. Резко прибавив скорость, оно рвануло вперед, пересекло руку Галины Федоровны и уселось на голову. Издав писклявый возглас, никем не замеченный, существо раскрыло доселе невиданный беззубый рот, похожий на бесконечно черный тоннель. Секунда – и оно проглотило женщину.

Испугавшись, Варя прикрыла рот руками, чтобы не закричать, и пораженно уставилась. Тем временем Галина Федоровна на минуту замолчала и, будто подавившись чем-то, закашлялась. Учительницу начало трясти, а кашель никак не останавливался. Варе казалось, что кожа Галины Федоровны приобрела грязно-коричневый оттенок, словно проглотившее ее облако, всосалось в кровь. Тут же подскочила Света, постукивая женщину по спине, а красавчик-отличник Самойлов Олег помчался за водой. Через пять минут учительницу привели в чувство, и урок продолжился.

Варя, не в силах унять дрожь, с нетерпением ожидала звонка.

Едва прозвенел звонок, Варя пулей выскочила из кабинета. Одиннадцатиклассники тоже уже покидали класс, выходя медленно и неторопливо шествуя на следующие занятия. Рина девочка заметила сразу, так как он выделялся и ростом, и странноватой походкой. Когда она выскочила перед ним, словно черт из табакерки, юноша озадаченно отпрянул, хрустя мятной конфеткой.

– Пойдем со мной! – воскликнула девочка, хватая его за рукав кофты. Пораженные не меньше, ребята вокруг засмеялись.

– Что такое? – спросил Рин, пытаясь не споткнуться. Они поднялись на третий этаж и свернули к лестнице, ведущей на крышу.

– Во-первых, почему ты меня избегал? – Варя возмущенно дергала его за руку. – А во-вторых, что я вижу? Почему мою учительницу проглотило странное облако, но этого никто не заметил?

– Сначала успокойся, – тихо сказал Рин, молниеносным движением распаковывая чупа-чупс с клубнично-йогуртовым вкусом и засовывая его Варя в рот. – Ее не съели. Точнее, съели, но в другом смысле.

Измайлова вопросительно смотрела на юношу, не понимая, что он имеет в виду. Гоня конфету во рту, она немного успокоилась, перестав бешено вращать глазами. У лестницы было тихо, и шум с других этажей накатывался медленно, с запоздалыми толчками.

– Я тебя не избегал, – Рин почесал затылок. – Просто хотел дать тебе время и решить, верить мне или нет.

– Идиот, – раздраженно буркнула Варя. – Я чуть не умерла от страха!

– Спасибо за комплимент, – недовольно сказал он. – Облака, которые ты видишь, вовсе не облака. Это воплощение мыслей и эмоций. Обычно они выглядят по-разному. То, что съело учительницу, было чьей-то злостью.

– Почему я это вижу? Это ты виноват!

– Я здесь не причем, – пожимая плечами, ответил Рин. – У всех свои способности. Кто-то отлично рисует, кто-то поет, шьет, а ты колдуешь. Ты сама нашла мой дом. Я тебя не звал. Не волнуйся, если никто не адресует их тебе, эти облака не опасны. Пойдем, нас ждут уроки.

Рин первым стал спускаться вниз. Варя Измайлова последовала за ним, доедая конфету и думая, что она попала в полнейшую передрагу, из которой не выйдет ничего хорошего.

Варя благополучно вернулась в кабинет, где ее ждали друзья. Второй и третий уроки прошли спокойно. Разноцветные облака продолжали бесцельно медленно летать по классу, прикрепляясь ко всему, словно репейник. Помня о том, что они не опасны, девочка старалась не обращать внимания, игнорируя все странности. Завтрак прошел, как обычно, шумно и весело. Игорек и Толик сразу умчались переодеваться на физкультуру, оставив Варю с Леной позади. Подруги шли в раздевалку, когда их поймали Копейкина и ее свита.

– Чего вам? – возмущенно спросила Лена, которую бесцеремонно толкнули. Широкая, как два стула, Марина Пронкина самодовольно фыркнула.

– Есть разговор, – высунулась из-за спины Марины Катя Дмитрова. Ярко-голубые глаза любопытной рыжей девицы поблескивали от волнения. Казалось, еще чуть-чуть и курносый носик, усыпанный веснушками, точно гречишной шелухой, задвигается от предвкушения. Справа от нее появилась Света.

– Какой? – спросила Варя.

– Вы совершенно не вписываетесь в наш класс, – медленно произнесла Копейкина тонким голосом.

– О чем ты? – раздражаясь, спросила Лена.

– У нас существуют правила относительно внешнего вида и поведения, – продолжала Света. – Вы нарушаете их.

– Уставом школы разрешено носить, что угодно, – равнодушно бросила Варя, собираясь уйти. Марина тут же загородила дорогу, глупо скалясь.

– Вы будете наказаны, – королева класса смерила всех презрительным взглядом.

– Чего? – глаза Лены округлились.

– У тебя плохо со слухом? – пробасила Марина, продолжая строить из себя мафиози. Лена, скептически оглядев объемную девчонку с ног до головы, моментально скрутила ее, заломив руки.

– Если думаешь, что твои пропорции помогут тебе, то ты ошибаешься, – тихо сказала Лена. – Я с восьми лет занимаюсь айкидо.

– Марина, успокойся, – тут же отреагировала Света, видя, что в силе она проигрывает. – Мы все сказали, так что готовьтесь.

Договорив, она деловито удалилась. За ней поспешила Марина и, записывая все на ходу, Катя. Лена удивленно посмотрела на Варю, не понимая, что происходит. Измайлова только пожалала плечами.

4

– Что это значит, – спросила Варя спустя неделю, когда после уроков пришла в подвал к магу, – иметь способности к колдовству?

– Что значит? – переспросил Рин, слушая вполуха и разглядывая пакет с зефиром. Комнату заливал яркий свет, так как маг почему-то не любил темноту, и стоял приятный мятный запах. Измайлова скинула сумку у входа, а затем растянулась на кожаном диване, отмечая про себя, какой он великолепный. Девочка заложила руки под голову, блаженно прикрыв глаза.

– Ты ведь меня совсем не слушаешь, – мягко произнесла Варя, чувствуя дремоту.

– Эй! Не смей спать! – подняв голову, воскликнул Рин. – Тебе здесь не отель. И я все прекрасно слышал. Я не уверен, что смогу тебе правильно все разъяснить. Ты ведь не думаешь, как дышать?

– Если колдовство эквивалентно способностям к рисованию, то объяснить – возможно, – продолжая лежать, возмущенно ответила девочка.

– Применительно к обучению, – возразил Рин и открыл пачку зефира. Запахло ванилью. – Изначально ты не думаешь, почему у тебя есть способности к рисованию. Зачем мы занимаемся этими разглагольствованиями?

– Потому что я ничего не понимаю! – Варя подскочила с дивана и, подойдя к столу, тоже взяла зефирку.

– Всему свое время, – расплывчато сказал Рин. – У нас гость.

Не успела Варя поинтересоваться, что за гость, как сквозь стену прошла прозрачная женщина в платье из шелка в бело-синюю клетку, с тесьмой на рукавах, деревянными пуговицами, какие носили дома дамы девятнадцатого века. На ее лице застыло печальное выражение, и эта печаль казалась бесконечно глубокой и непроходимой. Она проплыла лебедем по комнате и остановилась рядом с магом. Они о чем-то говорили, но Измайлова не слышала ни слова, будто наблюдая немое кино, девочка не верила своим глазам, хоть и обещала ничему не удивляться. Через несколько минут, томно вздыхая, женщина так же плавно удалилась.

– Это то, о чем я думаю? – спросила Варя.

– Да, это призрак, – Рин задумчиво жевал. – Ее зовут Графиня Анна. Она здесь присматривает за своим родственником.

– Что она хотела?

– Чтобы я помог ей.

– Что-то произошло?

– Да, нужно вытащить одного затворника из дома, – Рин доел зефир и поднялся. – Ты пойдешь со мной.

– Зачем?

– Назначаю тебя ассистентом!

Маг договорил и стремительно направился к двери. Пораженная его наглостью, Варя последовала за ним.

Они покинули здание школы, свернули направо, пересекли три двора и вышли на проспект Ленина, пересекающий весь город. Маг шел, казалось, не спеша, но девочка никак не могла его нагнать. Следуя за ним, то и дело срываясь на бег, Варя сверлила его возмущенным взглядом, словно пыталась прожечь дырку. Все еще не понимая, что Рин намерен делать, она мысленно ругалась. На улице было безветренно, и светило редкое для северного края солнце.

По проспекту с шумом пролетали автомобили, автобусы и троллейбусы; справа от девочки тянулись стеклянные витрины с рядами туфель, шеренгами сапог и полуботинок, лестницами кроссовок и кед; зазывно размахивая растопыренными руками, высились вверх манекены в яркой и модной одежде. Их обгоняли спешащие по своим делам прохожие, униженные разноцветными облачками-эмоциями, будто ценниками на товарах.

Миновав здание администрации, затем стоматологической клиники, Рин остановился возле рая для сладкоежек – кондитерской. Дождавшись, когда Варя его догонит, он, решительно распахнув дверь, вошел внутрь. Кондитерская «Sweets», по совместительству кафе, была наполнена людьми, и жужжала, точно улей. Рин огляделся и сразу же направился к кассе, заранее зная, что купить. А Варя, восхищенная и пораженная, прилипла к витринам, где разместились цветные сокровища: торт «Опера», словно принц призывно подмигивал девочке, рядом с ним кокетливо улыбались чизкейки из клубники, фисташки и смородины, с нижнего яруса, красуясь яркими спинками, будто морские котики, кричали эклеры и макарон. На стойке рядом с кассой расположились банки с ванильным и шоколадным печеньем, коробочки с разноцветными леденцами и зефирными косичками. По всему заведению гулял притягательный сладкий аромат, никого не оставляющий равнодушным. Под потолком приятного морского оттенка, медленно проплывали облачка-эмоции, толстые, похожие на рождественский мешок, они мягко урчали. Их розовые и персиковые брюшки органично вписывались в интерьер кафе, но к сожалению Измайловой, кроме нее их никто не видел.

Совершив покупку, Рин мягко подтолкнул Варю к выходу, напоминая ей, что время поджимает. В кондитерскую пахнуло свежестью улицы, а ребята отправились дальше. Они прошли мимо двухэтажного книжного магазина «Глобус», сквозь окна которого отчетливо виднелись стеллажи с книгами, сиротливо мигнувшего им вслед, оставили без внимания «Детский мир», пропустили перекресток и, свернув налево, вышли на улицу Карла Маркса. Пройдя еще пятьсот метров, маг торопливо направился во двор, со всех сторон окруженный девятиэтажными домами.

– Давай поторопись, ассистент! – оборачиваясь, крикнул Рин, ничего не выражающим апатичным тоном, не вязавшимся с его стремительными, хоть и странноватыми движениями. Он поднял воротник черного плаща, спасаясь от внезапного порыва ветра.

– Как скажите, босс, – иронично пробурчала Варя, но высказывать претензии не собиралась. Она еще не знала, как к нему относиться и как реагировать на новые изменения вокруг.

– Мы почти пришли, – сказал он, когда девочка поравнялась с ним. – Сосредоточься, нас ждет работа.

Маг договорил, шепнул что-то над домофоном и первым вошел в подъезд.

Их путь пролегал на восьмой этаж в трехкомнатную квартиру номер сто двадцать семь, встретившую незваных гостей коричневой кожаной дверью. После короткой трели звонка послышались гулкие шаги, дверь распахнулась, явив на свет заспанную девушку лет двадцати с потрепанной прической.

– Да? – спросила она, поправив очки в ярко-оранжевой оправе. На ней были серые спортивные штаны и белая футболка, разрисованная надписями на английском языке, а в темнорусых волосах торчал простой карандаш.

– Добрый день, – начал маг необычайно вежливо, лучезарно улыбаясь. – Меня зовут Потапов Леонид, а это Измайлова Варвара. Мы одноклассники вашего брата.

Девушка с сомнением разглядывала нарушителей собственного спокойствия, ее взгляд перескакивал с мага на Варю, точно она пыталась подметить все сразу, не упуская ни малейших деталей. Наверное, хозяйка захлопнула бы перед ними дверь, но Рин протянул пакет со сладостями, отчего уставшая студентка растаяла и пропустила их внутрь.

– Его комната прямо, – произнесла Алена, направляясь в кухню. – Только он ни с кем не разговаривает и не хочет открывать.

– Что ты такое выдумал? – шепотом спросила Варя Рина, едва они оказались перед комнатой мальчика.

– Просто конспирация, – пожимая плечами, ответил маг.

Он снова что-то прошептал, щелкнул пальцами, щекотка громко клацнула, и дверь открылась. Рин вошел первым, за ним, готовясь извиниться, последовала Измайлова. Их клиент – Кирилл – сидел за широким письменным столом в больших черных наушниках и сосредоточенно моделировал большую каравеллу. На остром лице тринадцатилетнего подростка отпечаталось довольное выражение, которое не говорило ни о болезни, о чем судачили в школе, ни об унынии, ни о внутренних проблемах. Как ученый-исследователь, мальчик был полностью поглощен работой и не замечал ничего вокруг. Его средних размеров комната заполнялась моделями кораблей, самолетов, машин, а на стенах висели пазлы на пятьсот, тысячу и две с половиной тысячи деталей. Над столом обитали три полки с книгами, стопкой тетрадей, средних размеров глобусом и хрустальной пирамидкой. Люстра так же представляла собой разноцветную модель куба.

Кирилл повернулся, дабы взять новую деталь, но заметив, что дверь распахнута, и на пороге его комнаты неизвестные, остолбенел. Тем временем маг прикрыл за собой дверь, щекотка встала на свое место, не давая любопытной старшей сестре мальчика войти внутрь.

– Как вы вошли? – справившись с оцепенением и отложив наушники, спросил Кирилл.

– Талант, – мягко улыбаясь уголками губ, ответил Рин.

– Не думал, что у самого известного парня нашей школы есть такие способности, – нахмурив брови, сказал хозяин комнаты.

– Правда? – тут же спросила Варя, слышавшая об этом впервые.

– Я просто выиграл несколько олимпиад, – пожимая плечами, ответил маг. Сказал он это быстро, словно хотел отмахнуться от неприятного вопроса. – Сейчас это неважно. Почему ты заперся в комнате, Кирилл?

– Удивительно, – он возмущенно отвернулся, – явились, когда не звали, да еще и в душу лезут. Это не ваше дело, уходите!

Варя с удовольствием так и сделала бы, но прекрасно знала, что Рин не сдвинется с места, пока не решит проблему. Но лично ей никак не представлялось, как можно помочь человеку, который от этой помощи отказывается. Маг улыбнулся шире, снова шепча какие-то слова. Девочка в который раз напрягала слух, чтобы разобрать, что именно он говорит, но не слышала ничего, кроме шуршащего звука, похожего на шелест листвы, хотя Рин стоял очень близко. Измайлова пока окончательно не решила, волшебство это или нет, ведь все увиденное до сих пор походило на обычные фокусы, если, конечно, не считать воплощение эмоций в виде облакообразной массы. Вспомнив случай на уроке экономики, Варя торопливо огляделась, но зловещих существ нигде не было, отчего она радостно вздохнула.

Маг, наконец, закончил шептать, подошел к Кириллу и легонько коснулся его плеча. Мир качнулся, и что-то произошло....

Кирилл обернулся, чтобы скинуть руку надоедливому одиннадцатикласснику, но этого не потребовалось, так как его гости, да и сама комната куда-то пропали. Он стоял, а это было так, потому что под ногами отчетливо ощущалась твердая поверхность, посреди серого пространства. Этот серый цвет был везде: сверху, снизу, спереди, сзади, и вызывал мутные, тошнотворные чувства. Мальчик ущипнул себя за щеку, обсмотрел с ног до головы, подпрыгнул, закрыл и снова открыл глаза, но картинка не изменилась. В конце концов, вдохнув воздуха, во всю силу закричал, но звука не последовало. Это стало последней каплей. Не понимая, что происходит, Кирилл ощутил, как к горлу медленно подкрадывается страх. Ноги подкосились, и он упал.

– Ты не должен бояться, – услышал Кирилл спокойный голос Рина, звучащий, казалось, прямо в его голове.

Кирилл принял слова на веру и, стараясь равномерно дышать, медленно успокаивался. Тем временем серый цвет стал пропадать, съеживаться, словно кто-то поджег полотно, и скоро оно вспыхнет, полностью обратится в пепел. На место серого, похожего на испорченный телевизор, цвета, проступали эпизоды из жизни мальчика, ложась рядом, будто пазлы. Вот кусочек-история про урок физики, когда они с интересом проводили опыты; рядом с ним история-фрагмент о матче по футболу, он тогда принес команде два гола; следом за ним встреча Нового года с друзьями, летняя поездка в лагерь с лучшим другом Сережкой, бабушкины вареники с вишней. Кирилл смотрел на мелькающие картинки, точно кинофильм, радуясь и одновременно чувствуя тревогу, зная, что скоро радость сменится равнодушием, ссорами и злыми шутками. Лучший друг перешел в другую школу, из-за переезда в новый район города редко появлялся и практически не звонил, старая добрая компания превратилась в высокомерных мальчишек, смотрящих сверху вниз, которых тянуло на странные авантюры.

– Хватит! – крикнул Кирилл, думая, что голоса снова не будет. В беззвучном пространстве его голос разросся до невероятных размеров. – Я не хочу об этом вспоминать!

Он упал на колени, стуча кулаком по месту, где теоретически находился пол. Кирилл кипел от возмущения и злости, он не понимал, зачем ему напоминают о том, что хотелось забыть, стереть, вырвать из собственного сознания.

– Ты остался без друзей, но это не повод закрываться в этой комнате, – сказал Рин, появляясь рядом с мальчиком и мягко кладя руку ему на плечо. – Ты можешь найти новых. Тебе нужно ходить в школу и не давать повода для волнения своим близким.

– Для этого я просматривал это кино? – раздраженно спросил Кирилл, поднимаясь. Почувствовав облегчение, он вновь огляделся по сторонам. Пространство искажалось, возвращая комнату на место. – Что это было? Иллюзия? Фокус?

– Нет, ни то ни другое, – Рин вновь вернулся к отстраненному выражению лица, достал леденец, легким движением снял обертку и принялся есть. – Давай оставим твой вопрос без ответа. Пусть поработает твое воображение. А насчет друзей я не шутил. Смотри, теперь у тебя есть целых два друга – я и Варя. Мы будем ждать тебя в школе. Пойдем, ассистент, нам пора.

Как всегда, стремительный, маг первым направился к выходу, крайне довольный результатом своей деятельности. Варя, видевшая с Кириллом одно и то же, была поражена не меньше его, но старалась делать вид, что давно привыкла. Скомкано попрощавшись, девочка поспешила за магом.

5

Воскресное утро второй учебной недели радостно потирало ладони. За окном снова лежала серость, съевшая солнце на горе всем горожанам. В небольшой комнате царствовала тишина, нарушаемая лишь звуком черного будильника, про который сегодня благополучно забыли. Серость окна скрашивали несколько цветов в горшке, прикрытые легкими занавесками цвета крем-брюле. Возле окна стоял темно-коричневый письменный стол, с аккуратно

расставленными книгами и тетрадами, здесь же лежал и Джо. У дальней стены, справа от входной двери, пузырясь деревянными боками, расположился шкаф с большим зеркалом во весь рост. А у правой стены помещалась кровать, где спала Варя Измайлова, накрытая одеялом до самого носа, повернувшись к стене.

После пятничного похода к Кириллу девочке хватило впечатлений, и субботние занятия прошли спокойно. Больше к Рину она не заходила, решив прийти в себя. Поэтому это воскресенье Варя надеялась провести без чудачеств и волшебства.

В дверь тихонько постучали, а через несколько секунд она открылась, являя мужчину лет тридцати трех, черноволосого, с карими глазами, в которых играли смешинки. Это был брат ее отца, работающий в IT-компании, приходящий все время поздно и отдыхающий крайне редко.

– Варвара, ты собираешься встать? – спросил дядя Егор. – Уже начало двенадцатого! Ты проспишь всю жизнь.

Варя открыла один глаз, затем второй, пытаясь проснуться, и повернулась на спину. На нее тут же прыгнул большой рыжий кот по кличке Соломон, призывно замыкал, переминаясь с лапы на лапу.

– Да, я сейчас встаю, – ответила Варя, отмахиваясь от пушистого хвоста.

– Алоха! Подъем! – воскликнул со стола Джо, когда дядя Егор, довольный собой, покинул комнату. – Ты ведь собиралась сегодня встретиться со своими друзьями.

Измайлова моментально подскочила. Читая полночи книгу, она совсем забыла о сегодняшней прогулке с Игорьком, Леной и Толиком. Но все же времени было еще много. Сладко потянувшись, девочка направилась в ванну.

Они договорились встретиться в шесть часов вечера у торгового центра «Волна», который, соответствуя своему названию, был голубо-бирюзовых цветов с ярко-фиолетовой огромной вывеской. Внутри центра расположились известные и популярные кафешки, магазинчики одежды, аксессуаров, обуви, и даже электротехники. Придя первой, Варя Измайлова села на серебристые перила, обнаружила в кармане куртки карамельку, полученную от Рина, и задумчиво ее съела. Похоже, она подхватила его привычку – есть сладкое, что было чревато неприятными для зубов (и не только) последствиями.

Двери торгового центра постоянно открывались и закрывались, оттуда выходили довольные покупатели, молодежь с пакетами фаст-фуда, дети с шариками. Их питомцы-эмоции, яркие и светящиеся, как неоновая вывеска, свисали с рук, ног, головы. Варя недовольно поморщилась, пытаясь игнорировать их блестящие, бесформенные брюшки.

Внезапно девочке прикрыли глаза, призвав поиграть в «угадайку».

– Это ты, Шут, – усмехаясь, произнесла Измайлова.

– Как ты догадалась? – тут же спросил Игорек, моментально появляясь перед ней. На нем была черная плотная куртка, черные джинсы и черные полуботинки. Весь вид ее друга наводил на мысли о шпионах и ночных затеях. Рядом с ним стоял Толик: его рыжие волосы были взъерошены, в светло-карих глазах сквозил сон. В отличие от друга, он надел коричневую кожаную куртку, несмотря на довольно-таки прохладную погоду, и синие джинсы. Игорек повертел головой, задумчиво почесал нос, а затем спросил: – А где наша блондинка?

– Раз ты ее не видишь, значит ее еще нет, – пожимая плечами, ответила Варя. Девочка посмотрела на часы – они показывали десять минут седьмого. Она просидела на перилах, совсем не обращая внимания на время. Не успев подумать, где может быть ее подруга, сзади послышался голос.

– А вот и я! – воскликнула Лена, быстро поднимаясь по лестнице. На ней был черный плащ, покроем напоминающий платье и высокие черные сапоги. – Простите, меня папа задержал.

– Отлично, все в сборе, – Игорек довольно потер ладони.

– А почему ты так вырядился? – высказался Толик, явно подумав о том же, что и Варя. – Решил стать Джеймсом Бондом? Тогда надо было надеть костюм.

– Причем здесь это?! – Шут поморщился. – Просто так получилось.

– Но ты ведь что-то задумал, так? – прищурилась Варя.

– С чего ты взяла? – Игореk притворно изумился, но, увидев взгляды друзей, заметно стусевался и заговорил, словно оправдываясь. – Я не мог отказаться. Из-за Самойлова мне пришлось принять участие в споре.

– И что же ты должен сделать? – почти прошипела Варя. Мало ей забот с Рином, так еще и Игореk со своими безумными идеями.

– Пробраться вечером парк аттракционов и принести фотографию в качестве доказательства, – с неохотой ответил мальчик.

– Парк за железнодорожными путями? – спросил Толик.

– Точно.

– Тот самый парк, что закрыли много лет назад? – спросила Варя.

– Да, – ответил Игореk. – В старом районе за путями ближе к порту. В следующем году там планируют снести все деревянные домики и начать строить многоэтажки. С парком тоже что-то сделают: либо снесут, либо обновят.

– Хорошо, – Варя посмотрела на небо, которое стремительно темнело. – Давайте, сделаем это. Только нужно поторопиться, в старом районе мало света.

Лицо Игореkа радостно засияло, в порыве он обнял девочку. Толик пожал плечами, выражая согласие, а Лена чуть улыбнулась. Варя высвободилась, и они зашагали вперед.

Когда ребята пересекли железнодорожные пути, поблескивающие от высоких фонарных столбов, Варя поежилась от необъяснимого дурного предчувствия, липким комочком засевшим у нее в желудке. Шум города остался где-то позади, последнее яркое пятно жилого двора пропало минут десять назад, а вокруг простирались молчаливые кусты карликовых деревьев. Старый район постепенно приближался. Это место никогда не любили и старались обходить стороной. Лишь те немногие кто там жил не верили в суеверия и ходили, не выказывая страха.

Они шли по пустынной дороге, вдалеке, со стороны вокзала, доносился гул, шипение, стук и срывающийся голос диспетчера. Дорога вильнула вправо, и на полутемной улице показалось колесо обозрения. Чем ближе ребята подходили к парку, обнесенному высоким забором, тем четче становились очертания старых аттракционов. В темноте они казались жуткими чудовищами, отчего Варя еще больше испугалась.

– Предлагаю поскорее сделать фото и вернуться обратно, – произнесла она нервно. Старые ржавые ворота были надежно заперты на замок, что в тайне ее радовало.

– Конечно, – Игореk посмотрел на девочку, довольно улыбаясь. Он прошел влево шагов десять, отогнул два прута и залез внутрь парка. Варя нерешительно остановилась перед лазом, сомневаясь и чувствуя, что совершает ошибку.

– Что с тобой? – изумленно спросил Толик, сохраняя сонно-равнодушное состояние.

– Ничего, – выдавила Измайлова и проскользнула внутрь.

Сам парк был небольшим: тридцатиметровое колесо обозрения, две карусели, одна из которых детская с лошадками, паровозик с двумя вагонами и горки. Их старые, с облезшей краской, побитые дождем, снегом и ветром остовы, оставляли гнетущее чувство пустоты.

– Я сяду в кабинку колеса обозрения, – пыхтя от возбуждения, сказал Игореk, – а вы меня сфотографируете.

– А ты крайне доволен! – тихонько воскликнула Лена. – От твоих идей у нас всегда проблемы. Если нас поймают?

– Все будет хорошо, – беспечно пожал плечами Шут. – Здесь все равно никого нет.

Игорек залез в кабинку, когда-то красного цвета, которая угрожающе заскрипела, потревоженная непрошеными гостями. Он встал в позу, держась левой рукой за кабинку, а правой показывал знак «ріесе» и улыбался. Толик зевнул, сонный по жизни, достал телефон и нажал на дисплей. Фотография была готова.

– Теперь можем возвращаться домой, – сказала Варя, разворачиваясь и собираясь уходить. Не успела девочка сделать и шага, как ее подняли с земли, и через мгновение она тоже оказалась в кабинке.

– Что ты задумал? – спросила Измайлова, когда Лена и Толик залезли в кабинку следом за ней.

– Ничего, – Игорек пожал плечами. – Сфотографируемся вместе.

Сгруппировавшись на скамейке, ребята приготовились к новым снимкам, но кабинка внезапно качнулась, как будто от ветра, щелкнула задвижка, и колесо медленно поползло вверх. Один за другим гасли фонари, те немногие, что освещали старый парк аттракционов. Варя, сидевшая у окна, осторожно посмотрела вниз и увидела что-то, напоминающее черных змей, копошащих в желто-зеленой траве с прытью тараканов. Вспорхнул, а затем каркнул ворон. Колесо прибавило скорости, послышалось конское ржание – карусель тоже заработала, по рельсам покатился паровозик.

Варя Измайлова внутренне сжалась. Она ничего не слышала, кроме стука собственного сердца, молоточком барабанившего в области висков, руки похолодели, а в животе, словно образовалась дыра. Толик и Игорек сидели белее мела, вцепившись руками в стенки кабинки, а Лена, обхватив голову, что-то шептала, точно мантру.

Их кабинка оказалась на самом верху, откуда обычно открывался прекрасный вид, но Варя не видела ничего кроме бесконечной черноты. Девочке казалось, что они попали в кошмарный сон, и скоро ее дернут за плечо, и она проснется. Колесо перестало двигаться, замерло, а затем резко рвануло вниз, ускоряясь, будто намереваясь расплющить ребят о землю. Девочки слаженно закричали.

Кабинка неожиданно остановилась, опять послышалось воронье карканье, подул ветер, фонари снова горели, дверца распахнулась, выпуская ребят наружу.

– Давайте скорее уйдем, – заплетающимся языком сказала Варя. В ушах шумело, а голова плохо соображала.

Остальные моментально закивали и на подгибающихся ногах поспешили к забору. Выскочив через лаз на улицу, почувствовали облегчение и, не говоря ни слова, побрели в сторону дома. Зловещий парк аттракционов слабо поскрипывал ржавыми конечностями, точно заурчавший от удовольствия кот.

6

Варя Измайлова подперла подбородок рукой, незаметно зевнула и, не вслушиваясь в речь Алины Николаевны, которая рассказывала биографию Пушкина, смотрела в одну точку. Утро понедельника началось для девочки тяжело, так как она не сомкнула глаз, прокручивая в голове вечернее происшествие. Игорек уже успел похвастаться фотографией перед Самойловым, выиграть двести рублей и поссориться из-за пустяка с задирой Лешей Федоровым. С самого первого урока Шут вел себя весело и беззаботно, словно вчерашнего странного происшествия не было. Лена сидела рядом с Измайловой и выглядела напуганной, что прямо говорило о реальности самостоятельного передвижения аттракционов.

На первой парте среднего ряда сидели Копейкина Света и Дмитрова Катя, одетые, как под копирку, в черные прямые брюки и белые блузки. Королева класса сидела прямо, с лишенным эмоций, отрешенным выражением лица, изредка бросая надменный взгляд на классную руководительницу, и зевала от скуки, галантно прикрываясь белым платочком. Правая рука Светы с горящими до сенсаций глазами, ловила в кабинете каждый звук, шорох, скрип, ошибку. Сзади

них, прикрывшись учебниками, играли в крестики-нолики и обменивались записочками Маша и Наташа Костик, обе в платьях и заплетенными в косу волосами, чтобы возможность отличить девочек сводилась к минимуму. На третьей парте среднего ряда, прямо за близняшками, занимая собой все пространство, разместилась Марина Пронкина, одетая в черное, которая относилась к литературе более чем прохладно, вертелась в разные стороны. На первой парте третьего ряда сидел Олег Самойлов в гордом одиночестве и переглядывался с Игорьком.

После урока литературы десятый класс отправился в столовую, отлично позавтракал и неохотно поплелся на историю. Варя Измайлова, получив сообщение от Рина, благополучно притворившись больной, пошла к Кириллу, который еще не решился вернуться в школу. На улице дул холодный ветер, отчего девочка добралась до дома их подопечного в кратчайшие сроки, мечтая о чашке горячего чая. Когда она поднялась на восьмой этаж и позвонила, дверь открыл сам Кирилл, явно ожидавший гостей.

– Привет, – трясась от холода и жалея, что не надела более теплую кофту, сказала Варя.

– Проходи сразу на кухню, – сказал Кирилл, пропуская ее внутрь. Его короткие светлорусые волосы нелепо торчали в разные стороны, в серых глазах виднелись остатки сна, а худобу фигуры скрывала больших размеров футболка.

– Ты знал, что я приду?

– Да, Рин звонил мне сегодня. – Кирилл кивнул, включил чайник, достал чашки и сел, выжидающе смотря на девочку. – Он сам сказал называть его так. Ну рассказывай.

– Что? – недоуменно спросила она.

– Не знаю, – Кирилл пожал плечами. – У тебя на лице написано, что ты хочешь о чем-то поговорить. Измайлова сначала стушевалась, что-то пробубнила себе под нос, затем тяжело вздохнув, рассказала все, что ее беспокоило. Мальчик внимательно слушал – тем временем закипел чайник – сделал какао, передал чашку гостье, задумчиво покусал губы и, сев на стул, выдал:

– И что?

– Как что? – возмущенно спросила Варя, мгновенно почувствовавшая, как груз переживаний заметно подтаял. – Разве это все не странно?

– Конечно, странно, – Кирилл согласился. – Но ваше появление с Потаповым было не менее впечатляющим. Я решил не придавать этому значения, поэтому и ты не зацикливайся на заботах.

– Ладно, – Варя вздохнула. – Ты собираешься возвращаться в школу?

– Да, – Кирилл досадливо поморщился. – Рин сказал, что я его ассистент номер два, поэтому мне необходимо там появляться.

– Вот и отлично, – ответила девочка, попивая какао.

Лена Морозова шла домой из музыкальной школы, слушая треки на испанском языке для аудирования. Дул холодный ветер, но в своем черном пальто, фасоном, напоминающим платье, девочка чувствовала себя прекрасно, а после любимых занятий по вокалу все ее страхи улетучились. Естественно, она была сильно напугана, но в конечном итоге решила списать случившееся на что угодно и не придавать этому значения. Лена возвращалась около семи часов, поэтому, когда она вошла в квартиру, разделась, отключила плеер, то поняла, что в кухне нечто происходит: доносился строгий голос отца и огорченный – матери.

– Нет, я против, – сказал Александр Николаевич, когда девочка появилась в кухне. Высокий, темноволосый, он сидел в домашней одежде за столом; его серые глаза метали молнии, брови сдвинулись на переносице, губы были поджаты. Рядом дымила чашка с кофе. – У тебя ведь есть дом, какой смысл в переезде? Чтобы заниматься, чем угодно, только не учебкой?

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос отвечала Даша. Старшая сестра Лены – семнадцати лет, закончившая школу этим летом – была ее противоположностью: ниже почти

на десять сантиметров, темно-русая, в отца, щуплая, не способная поднять больше двух килограммов. Рядом сидела Анна Сергеевна – мать – сохраняя молчание, позволяя принять решение мужу. – Чем я еще могу заниматься в дизайнерском колледже?

– Глупости от места не зависят, – продолжал отец. – Послушай, дорогая, если ты хочешь меня убедить, то приведи аргументы.

– Дорога, – тут же ответила Даша. – Мне не придется тратить сорок минут на дорогу. Я буду больше спать, следовательно, лучше учиться.

– Папа, разреши ей, – видя, что отец продолжает сомневаться, сказала Лена, на которую никто не обращал внимания. – Ты ведь все равно дома редко бываешь из-за работы.

– Ладно, – наконец сдался Александр Николаевич. Даша, взвизгнув от радости, повисла у отца на шее.

– Прекрасно, – подытожила Анна Сергеевна. – А теперь давайте ужинать.

Ужин пролетел незаметно и весело. Затем полвечера сестра рассказывала Лене о своей учебе, новых друзьях, какие преподаватели понравились, а какие – нет, и много чего другого. Когда Даша закончила говорить, время перевалило за полночь. Ее горло охрипло, но настроение оставалось на высокой ноте, Лена же мечтала только о кровати, глаза слипались, уши болели. Пожелав приятных снов, Даша юркнула под одеяло и мгновенно заснула, Лена долго ворочалась, но и ее сон прибрал к своим рукам.

Ей снилась школа номер шестнадцать, наполненная людьми, словно банка огурцами, она казалась тесной и какой-то узкой. Вокруг мелькали клыкастые морды, беззубые синие лица, одни не имели глаз и сверлили Лену черными провалами, другие имели глаза странных размеров, цветов, и они тоже изучали девочку враждебно.

Картинка резко изменилась, и Лена поняла, что находится одна в темном пустом коридоре. Впереди она видела дверь в столовую, закрытую на тяжелый висячий замок, и лестницу, ведущую вверх, на второй этаж, и вниз. Что там, ей было неизвестно. Справа что-то шуршало, слева что-то скрипело, сзади что-то выло. Морозова почувствовала внезапный приступ страха, на коже проступили мурашки. Она ясно понимала, что спит, но ощущения говорили об обратном. Девочка закричала, и ее голос разнесся по всему зданию, долго отдаваясь эхом.

Лена пошатнулась и бросилась к лестнице. Пересекла ее за секунду, побежала по второму этажу, пытаясь открыть каждую дверь. Первые две были наглухо заперты, третья отрывалась и тут же захлопывалась, стоило девочке попытаться войти; когда она распахнула четвертую, проем моментально заложило кирпичом. С пятой дверью Лене повезло, но едва она вошла в кабинет, на нее посыпались игрушки, мячики, мишура, конфеты, лягушки. Они заполняли пространство, стараясь поглотить собой Морозову.

Сумев кое-как выбраться, Лена бросила затею с дверями и побежала в конец коридора. Путь ей преградила скелетоподобного вида старуха в черном балахоне, окруженная ордой марионеток, злобно клацающих зубами. Ведьма укоризненно качала пальцем, а куклы тянули руки к девочке, мечтая схватить. Взыв, будто раненное животное, чувствуя комок в горле, досаду, злость и отчаяние одновременно, Лена развернулась и устремилась назад к спасительной лестнице. Она бежала, бежала, а коридор не кончался...

– Морозова, очнись! – послышался раздраженный крик, как показалось Лене, Измайловой.

Девочка села в кровати, провела дрожащей ладонью по мокрому лбу. Было пять утра. Даша мирно спала на диване, причмокивая и улыбаясь, видя во сне что-то приятное. Лена Морозова сходила в кухню – в квартире разливалась тишина – выпила воды, и снова легла спать, на этот раз без кошмаров.

Варя захлопнула книгу и огляделась. Она сидела на кожаном диване у Рина в подвальчике, поджав колени, в темно-синих узких джинсах и белом, крупной вязки, свитере. Сам маг сидел рядом, как всегда, гоняя во рту леденец и, видимо, что-то спрашивая у Измайловой, но она, пребывая в полутуманном состоянии, словно пьяный в алкогольной эйфории, ничего не слышала. Ее мысли все еще бродили где-то на страницах книги, и сознание не желало возвращаться назад, точно спрут, оно недовольно ворочало щупальцами. Голова, будто ее ударили мешком с картошкой, гудела. В глазах мелькали не то снежинки, не то звездочки, не то кляксы. Варя посмотрела на Рина, а затем перевела взгляд, куда показывал его тонкий указательный палец. В его кресле за письменным столом сидел Кирилл. Напротив него парила Графиня Анна. Измайлова не слышала, но была уверена, что они о чем-то разговаривают.

– Он пришел в школу? – спросила Варя, сама благополучно пропустившая занятия. В сегодняшний четверг она проснулась с диким желанием сделать глупость. Например, прогулять уроки.

– Да, – Рин довольно улыбнулся, что случилось нечасто. – Теперь Графиня рассказывает ему о себе.

– Как он смог зайти сюда? Он тоже волшебник?

– Нет, – маг покачал головой. – Он просто одаренный человек, и у него есть связь с Графиней. Плюс я чуть-чуть поколдовал, поэтому он может сюда входить. Еще один ассистент не помешает.

Слово «ассистент» наждаком лизнуло слух девочки, и ей захотелось ударить Рина, но сдержалась.

– Что она ему рассказывает? – спросила Варя, подавляя раздражительность. – Я ничего не слышу.

– Он потомок дворянской семьи. Асанова Анна Александровна, наполовину русская, наполовину француженка, поселилась в этом городе со своим мужем в 70-х годах 19 века. Правда, бедняжка рано умерла от туберкулеза, но отчего-то не ушла в загробный мир. Она осталась и охраняет Кирилла. Нечто вроде призрака-хранителя.

– Почему бы тебе не помочь теперь мне? – удовлетворившись ответом, Варя повернулась к магу.

– Например?

– Хоть ты и утверждаешь, что у меня есть способности к магии, я ничего не умею! – воскликнула девочка, сразу вспоминая прошлое воскресение.

Рин тоже повернулся, и теперь они сидели друг напротив друга. Он прищурился, словно пытался что-то прочесть на ее лице.

– Легко, – ответил он, раскусывая апельсиновую конфету. – Выпрями ноги, а теперь закрой глаза и попробуй отключиться от всех звуков.

Варя Измайлова послушно сделала так, как было велено. Девочка сосредоточилась, моментально вспоминая все прочитанные ею книги в жанрах фэнтези и мистики. У многочисленных авторов находилось изрядное количество методик для своих героев. Она попыталась следить за дыханием, выравнивая его и успокаиваясь. Но, несмотря на то, что ей удалось отключить свои эмоции и очистить разум от лишних мыслей, настроиться на тишину не получилось. Звуки невольно проникали через уши прямо в мозг. Через пять минут мучительных потуг Рин не выдержал и, резко схватив Варю за руки около локтя, притянул к себе. Она испуганно вздрогнула, и тут же ее затянуло водоворотом черных глаз и чужой силы. Глаза, будто налитые самой Тьмой, казалось, выворачивали все мысли, страхи, мечты и желания. Звуки как отрезало. Посторонняя сила и воля подчинили ее сознание, и девочка поняла, что стены и весь дом мага исчез. Варя видела столовую, наполненную шумом и людьми. На выходе она заметила своих друзей, направляющихся на следующее занятие.

– Поняла? – донесся до нее тихий голос, и все вернулось на место. Да, она поняла. Не умом. Каким-то внутренним чувством, интуицией.

Она судорожно сглотнула. В горле стоял премерзкий комок.

– Советую тебе использовать ванну для тренировок, – продолжал маг. – Погрузившись полностью в воду, ты сможешь сосредоточиться.

– Спасибо, – наконец выдавила Варя, с трудом отрывая взгляд от Рина.

Время близилось к полуночи, но в этом краю, где постоянно висело низкое, темное, тяжелое небо, куда не достигал ни один луч солнца, чувство времени почти не ощущалось. В мертвом, черном лесу звенел ветряной колокольчик. Ее длинные алые волосы мягко колыхались, вторя тихой музыке. Вокруг лежала неживая, застывшая природа – ни травинки, ни насекомых, ни птиц. Только темно-серые корявые стволы деревьев да остовы старинных построек. Ее окружили умертвия: желтовато-серые скелеты глядели пустыми глазницами; их окутывала, точно фата, полупрозрачная голубоватая дымка магии. Они как будто чего-то ждали. Их хозяин затаился и медленно изучал свою жертву.

Она скрипнула от злости зубами и стиснула крепче рукоять меча. Меч, который она взяла впервые в жизни, не придавал храбрости и спокойствия. Все внутри девушки сковали пустота и горечь. Ее звали Тария. Девушка с алыми волосами, темными глазами и Прорицательским даром. Она родом с Южного материка, королевства Айриут – еще одного королевства магов и людей. С родителями девушка бежала на Большой материк, так как здесь находились земли Мудрых рас, и вероятность быть найденной ниже. Они успешно скрывались двадцать лет, побывали в разных городах, надолго нигде не задерживаясь. В прошлом году мать умерла от болезни, и отец решил отправиться вглубь материка. Но зачем отец повел ее через Мертвые Земли и погиб? Почему же все стало хуже? Тария обвела взглядом скелеты, сглотнула подступающие слезы. Жесткий корсет больно сдавливал ребра, мешая глубоко дышать.

– Давай, покажись, – процедила она сквозь зубы. – Сколько можно прятаться? Я ведь никуда не денусь.

Словно приняв слова как сигнал, умертвия дружно ожили и двинулись на нее. Каждый, а их было не меньше двух сотен, сжимали ржавые либо меч, либо топор, либо мотыгу. Девушка просто ждала, когда мерзкие создания доберутся до нее сами. Какой смысл тратить силы, если она все равно только и может, что отбиваться?! Сражаться девушка не обучена, но меч – артефакт, и есть надежда, что она выдержит.

Первый скелет оторвался от основной толпы и был каким-то неповоротливым, поэтому Тария одним ударом обратила его в пепел. Следующий напал со спины стремительнее и яростнее. Оборачиваясь, она оцарапала мечом правую руку, стараясь игнорировать обжигающую боль, девушка избавилась от него. Третий и четвертый пытались проткнуть ее по бокам, но она ускользнула и убила обоих. А дальше ее нагнала основная масса. Девушка все время отступала, отбиваясь, тяжело дышала, по спине текло, сердце стучало в висках от страха и сосредоточенности. Когда умертвия закончились, девушка немного расслабилась, но через пару секунд напряженно огляделась. Все вокруг замерло в звенящей тишине. Хозяин скелетов не появился.

Внезапно кто-то схватил ее сзади. Ильх! Темный! Тария поняла это сразу. Только эта Мудрая раса могла спокойно бродить по Мертвым Землям, что прокляты вот уже пятьсот лет самой Богиней Смерти. Хозяин умертвий больно сжимал руки девушки, отчего не было и малейшей возможности освободиться.

– Ты должна умереть, – проговорил ей на ухо шипящий голос. – Прорицательница доставит множество хлопот.

Резкий удар в грудь заставил ее захлебнуться криком. В меркнувшем сознании промелькнула одна мысль: «Ясно, я умираю» ...

Лена Морозова закричала и скатилась с дивана. Ее трясло, сердце громко стучало, странный сон все еще стоял перед глазами. Оглядевшись, девочка увидела большую комнату их трехкомнатной квартиры. Громко тикали настенные часы, напротив чернел телевизор, а на журнальном столике были разбросаны газеты и журналы. Все выглядело обычным. Но... ее убили! Лена пробрала дрожь. Она чувствовала, как нож пронзил сердце, чувствовала, как меркло сознание, и уходила жизнь. Несмотря на все старания ее семьи, несмотря на все годы прятков, смерть от рук одного из Мудрых рас ее не радовала.

Девочка поднялась, чтобы пойти умыться. Взглянув в настенное зеркало, Лена снова вздрогнула и испугалась собственных мыслей. Проведя мелко дрожащей рукой по лицу и смывая наваждение, она глубоко вдохнула. Что это было? Почему она приняла так близко к сердцу смерть героини своего сна? Более того, почему девочка уверена, что связана с ней?

Быстро направившись в ванную, Лена решила, что должна с кем-то поговорить об этом. Сегодня Вари не было в школе, поэтому при первой же возможности она все расскажет подруге.

В тот же день, вернувшись от Рина домой, Варя Измайлова сначала, как примерная девочка, сделала уроки. Не сказать, что она любила школу, но старалась учиться хорошо, памятуя о том, что в жизни все может пригодиться. Варя торопилась. Ей хотелось поскорее испытать тренировку, которую посоветовал маг. Закончив с домашним заданием, она покормила Соломона и принялась набирать ванну водой.

– Ты уверена в этом? – спросил Джо, когда девочка закрутила кран. – Хочешь утонуть?

– Нет, – Варя покачала головой и покрутила в руках плоский круглый камушек темно-коричневого цвета, какие часто можно найти на морском пляже. – Рин дал мне амулет. На первое время. Так что все будет хорошо.

– Хм... – в голосе человека-ручки появились нотки сомнения.

– Ты не доверяешь собственному хозяину?

– Что ты такое говоришь! – возмущенно пискнул он. Джо вновь улыбнулся нарисованными зубами. – Просто беспокоюсь, а то мне придется иметь дело с холодным девичьим и совершенно непривлекательным трупом.

– Значит, все в порядке, – пожимая плечами, сказала Измайлова, оканчивая разговор и стараясь игнорировать столь противную шутку.

Поставив Джо в стаканчик на полочке под зеркалом, Варя заплела длинные каштановые волосы в косу, чтобы не мешали, скинула домашние шорты, оставшись в белой футболке, похожей больше на платье из-за своей длины, и медленно залезла в ванну. Девочка закрыла глаза и ушла с головой под воду.

Уши мгновенно залепило водой, и она, пытаясь вспомнить ощущения днем, сосредоточилась. Очистить сознание от посторонних мыслей получилось быстро, теперь оставалось найти в себе те же чувства. Для лучшего понимания, Варя представила, будто снова смотрит в глаза мага. Не сразу, но получилось и это. А потом... Измайлова вдруг обнаружила, что видит себя со стороны. К неудовольствию, худощавая фигурка была угловата, а острое лицо бледным. С полочки на ее погруженное в воду тело напряженно смотрел Джо.

Было бы в таком состоянии лицо, девочка бы усмехнулась. С легкой мыслью Варя переместилась в кухню. Ощущения странные – кухня будто сама приблизилась, как если бы девочка крутила пространство в компьютерной программе. Просторная кухня медового цвета встретила Измайлову темнотой. От окна слабо шел серебристый свет, точно на улице стояла лунная ночь. Вот несколько шкафов с посудой приятных шоколадных оттенков, небольшой холодильник, легкие фиолетово-белые занавески, бежевый мягкий ковер, овальный стол с фруктами, салфетками, небольшим заварником. На холодильнике несколько фотографий, магнитиков и прочих побрякушек. Все привычно. Кроме разноцветных облакообразных воплощений эмоций. Сейчас, в странном полумраке, они напоминали подводных рыб. Что они здесь

делали? У себя в доме Варя их никогда не наблюдала. Или это из-за магии? Хотя можно ли эту медитацию назвать магией? Существа, сверкая разноцветными тельцами, медленно плавали из стороны в сторону. В отличие от школы и улицы они были маленькие, с кулак размером, и даже милыми.

Каркнул ворон, а затем истошно мявкнул Соломон, привлекая внимание. Пространство снова крутанулось, словно карусель, и Варя оказалась в комнате дяди Егора. В его комнате девочка была много раз, и ничего интересно в ней не нашла. Кровать, компьютер, стол, стул, шкаф – обычный набор мебели. Посреди комнаты, шипя и рыча, пригнув голову к лапам обнаружился кот, а у люстры зависло темно-коричневое облако, похожее на то, которое Варя видела на уроке экономики. Соломон подпрыгивал, пытаясь достать до мерзкого создания. Оно дергалось, издавая звуки, похожие на писк.

Варя Измайлова запаниковала, не зная, как поступить. Снова каркнул ворон, и девочку швырнуло в тело, точно тряпку. Резко вскочив, разливая воду на пол, хлопая ресницами и тяжело дыша, девочка огляделась.

– Что случилось? – тут же спросил Джо.

– В комнате, – выдохнула Варя. Она вылезла из ванны, продолжая разливать воду и схватив человечка-ручку, быстро побежала к месту действия, оставляя мокрые следы. Забежав в комнату, она увидела, что кот переместился на стол, чтобы прыгнуть до существа оттуда. Распушенный хвост Соломона нервно подрагивал.

– Что делать? – спросила Варя, тряся Джо.

– Вытяни меня максимально вперед, – ответил тот.

Джо разомкнул нарисованный рот, что-то пробормотал и втянул облако-эмоцию в себя с мощностью пылесоса. Существо злобно пищало, но сделать ничего не могло. Не прошло и секунды, и оно исчезло.

– Вот и сказочке конец! – довольно произнес Джо. Варя поражено смотрела на друга. – Только это крайняя мера. Скажи Рину, пусть обучит тебя защитным механизмам.

Измайлова промолчала и кивнула в знак согласия. Оглянувшись, она увидела мокрые следы и, обреченно вздохнув, отправилась убирать лужи.

8

В пятницу Кирилл проснулся с острым нежеланием идти в школу. Помня о своем обещании Рину, мальчик досадливо поморщился. Какой нормальный подросток любит ходить в школу? Преподают учебный материал либо скучно, либо непонятно; одноклассники или заносчивые снобы, или хулиганы с дешевым авторитетом, вечно влипающие в сомнительные истории, или жертвы издевательств. Правда, Кирилл, как и большинство людей, судил по себе, и его настроение было основано на собственном опыте.

Умывшись, одевшись за пять минут, позавтракав яичницей и поспорив с сестрой, мальчик отправился на занятия. В школе номер шестнадцать стояли шум и гам – обычное состояние полусонных детей перед уроками. Входя в кабинет алгебры (сущий кошмар в такую рань!), Кирилл немного нервничал, не зная, как отреагируют одноклассники на его возвращение. Перед добровольным заточением в квартире он поссорился с главным заводилой класса Ярославом Одуванчиковым и теперь опасался очередной стычки. Но все переживания мальчика были напрасны – ребята поприветствовали Кирилла вполне добродушно, а Одуванчиков даже похлопал по плечу. В то, что Потапов все уладит, он до конца не верил. Оказывается, зря.

Учебный день понесся. Кирилл старательно записывал за учителем, вслушиваясь в монотонный голос краем уха, пребывая сознанием в сонном тумане. Решив заглянуть в каморку странного одиннадцатиклассника, Колесов сдал тетрадь с домашним заданием и пошел к лестнице в другое крыло, где у восьмого класса проводили занятия по химии. Кирилл уже соби-

рался спускаться, как сверху послышались голоса. Дальше третьего этажа была только крыша, и что там забыли девчонки он понял через пару секунд.

– Ты действительно думаешь, что, просто наблюдая и томно посматривая в сторону, что-то произойдет? – в грубоватом и низком голосе Кирилл узнал Пряжку Олю – кругленькую одноклассницу среднего роста, большую любительницу детективов, фигурного катания и консервированных ананасов.

– Мы разговаривали несколько раз, – ответила той Юрьева Настя. Высокую, худую, в очках и с длинными косичками, девочку постоянно дразнили, из-за того, что она тихая скромная отличница. С Олей Настя дружила с детского сада.

– И этим довольна? – спросила Пряжка. Повисла тишина, а затем Оля продолжила: – Поэтому Кристина тебя и подкалывает все время. Не надо было ей рассказывать, что тебе нравится Яковлев.

– Тише, Оля! – запротестовала Юрьева. – Вдруг кто-то услышит.

– Раньше нужно было думать!

Кирилл покачал головой, решив больше не подслушивать, и направился на химию. По дороге мальчик размышлял над услышанным. Его всегда поражало желание девчонок разболтать что-то по секрету почти каждой, а потом удивляться, что тайна не сохранена. Настя Юрьева много друзей не имела и была типичнейшей серой мышью. И хоть природа наделила девочку изрядным умом и трудолюбием, в ее глазах так и светилась наивность. Яковлев Антон учился в 10 «Г» классе и был двоюродным братом Самойлова Олега – известного красавчика-отличника школы номер шестнадцать. Похоже, о своей симпатии к нему, Юрьева поведала Лужайкиной Кристине, с которой они пели в одном ансамбле в музыкальной школе. А от Лужайкиной, благодаря «сарафанному радио» практически все десятиклассники узнали о предпочтениях книжного червя в очках. Поэтому Кирилл Колесов смотрел на девочек несколько снисходительно и равнодушно.

Варя с трудом разлепила тяжелые веки, сладко причмокнула губами, перевернулась на другой бок, мечтая спать дальше, мимолетно окинула взглядом будильник и моментально вскочила. Она проспала, и первый урок почти окончился! До двух часов она наводила порядок после магической тренировки, затем еще полтора часа ворочалась, думая о последствиях этой тренировки, как итог недосып и запись в дневник. Хорошо, что дяди какое-то время не будет в городе. Собравшись в короткие десять минут, Измайлова выбежала из дома.

На улице дул холодный, северный ветер, и накрапывал мелкий дождь. Мысленно ругнувшись на забывчивость по поводу шапки, натянула капюшон, поправила, сползающую сумку, поспешила в школу. Вбежав со звоном на перемену, влетела в гардероб и, подпрыгивая на одной ноге от нетерпения, избавилась от влажной куртки. Завязала волосы, удачно оказавшейся в кармане резинкой, в высокий хвост. Посмотрела в зеркало, кивнула, решив, что вид вполне удовлетворительный, и пошла на второй этаж в кабинет географии.

На втором этаже перед девочкой встало неожиданное препятствие – кучка школьников загораживала проход, мешая движению. Кое-как протиснувшись вперед, Варя увидела следующую картину: возле ближайшего кабинета застыла высокая, светло-русая, худая девочка в очках, явно на пару классов младше; в руках она держала какой-то учебник (с этой позиции Измайловой было не разглядеть), прижимая его к груди, словно защищаясь. Кажется, она что-то тихо говорила стоящему напротив высокому блондину. Девочку Варя не знала, а парня видела часто с Самойловым. Парочку окружали десятиклассники, и на их лицах читалось веселье.

– Смотри Антон, твоя поклонница! – послышалось ехидное из толпы. Девочка испуганно сжалась, мечтая поскорее исчезнуть.

– Прекратите, – стушевавшись, пробормотал Антон. Судя по всему, издеваться над девочкой ему не хотелось, но слишком откровенно и прямо отчитать своих приятелей тот не рвался. Боялся стать «белой вороной». Ох уж это желание слиться с толпой! Какая мерзость, решила Измайлова, качая головой.

– Эй, ты! – крикнул брюнет, стоявший рядом с Антоном. – Чтобы стать его девушкой, тебе придется сильно постараться. Смени образ, библиотекаря!

Настя Юрьева, а это была она, опустила голову, не зная, что делать. Ей нужно было в кабинет дальше по коридору, но зубоскалящие старшеклассники плотно столпились, а ее робость и застенчивость не давали пошевелиться. Но спасение пришло, словно чудо. Расталкивая грубиянов, к ней подошла Оля Пряжкина и потянула Настю за руку.

– Отошли все! – злобно прошипела она. – А ты, – Пряжкина гордо вскинула подбородок и посмотрела на брюнета в упор, – если хочешь говорить с нормальными девушками, стоит открывать книги почаще. Иначе будешь довольствоваться обществом пустозвонок, – снисходительно окинув взглядом стоящих рядом девочек и презрительно фыркнув, она пошла дальше.

Варя довольно усмехнулась и вошла в кабинет. Прозвенел звонок, и толпа мгновенно рассосалась. Пройдя к четвертой парте, где обычно сидели мальчишки, перекинула вещи Толика к Лене на первую, а сама составила компанию Игорьку. Лена удивленно вскинула брови, явно принимая что-то на свой счет, но желание Измайловой было предельно простым – дремать на четвертой парте легче, чем на первой, к тому же, прикрывшись учебником.

Географию у старших классов преподавал Роман Викторович Стриж, сорокапятилетний мужчина, среднего роста, с круглыми светло-кариими глазами, острым носом, залысинами на лбу и тонкими, поджатыми губами, он напоминал сову. Муж Галины Федоровны, на лице все-ленский недосып и какая-то обреченность. Голос тихий, губы периодически причмокивают. Любимое выражение: «Во-о-от!» Но характер добродушный, не придиричивый, что вполне радовало учеников. Написав на доске тему урока: «География мировых природных ресурсов. Загрязнение и охрана окружающей среды», он начал лекцию.

Поняв, что Стриж собирается погрузиться в долгий рассказ и особенно контролировать поведение класса не намерен, Варя блаженно улыбнулась, прикрылась учебником и закрыла глаза.

– Эх-х-х... – выдохнул Игорек. Впереди показалась лестница, а ребята скосили глаза на друга. – Как же давно мы не веселились!

– С каких это пор пакости считаются весельем? – сухо спросила Лена, не разделяя проблемы Шута.

– Но в прошлом году мы изрядно развлекались, – пожимая плечами ответил тот.

– О да... – потянула Варя, закатив глаза. Не сказать, что у них были неприятности, но идеи Игорька отличались своеобразностью.

– Не далее, как вчера, – неожиданно начал Толик, – чета Стриж громко ссорилась в кабинете. – Он зевнул. – Роман Викторович потерял в школе старинное кольцо Галины Федоровны, принадлежавшее ее прапрапрабабке.

– Зачем он принес его в школу? – удивилась Варя. Толик только пожал плечами.

– Это же здорово! – Игорек потер ладони от возбуждения. – Давайте найдем кольцо!

– Что?! – воскликнули девочки.

– Ну Палычу ведь помогли в прошлом году!

– Чучело не такое маленькое, – раздраженно бросила Лена. – С нами весь класс искал!

Игрек что-то пробурчал под нос, явно планируя обидеться. Варя мученически закатила глаза и согласилась на поиски. Лена возмущалась несколько минут, но тоже сдалась под напором доводов. Толик мягко улыбнулся. Видя, что друзья пали от его обаяния и харизмы, Игорек принялся обдумывать план действий. Первым делом Шут собирался разузнать маршрут

Романа Викторовича, совершаемый им накануне, и последнее местонахождение кольца. После короткого, но плодотворного разговора со Стрижом, Игорек знал все подробности и начал строить в голове догадки, не спеша делиться ими вслух. Им предстояло заняться этим после уроков.

После третьего урока, идя в столовую, Варя сгорала от нетерпения увидеть Рина. В гомонящей столовой приятно пахло свежей сдобой, крепким кофе, лился шлейф смеха, говора и веселья. Ни один завтрак не мог пройти спокойно. Но мага, в народе Леонида Потапова, в столовой не обнаружилось. Сделав вывод, что Рин у себя «дома», девочка моментально проглотила еду, точно за ней кто-то гнался, и поспешила к лестнице. Он оказался на месте. На диване, скрестив ноги по-турецки, сидел Кирилл. Ребята явно о чем-то беседовали. Уловив последние фразы, девочка поняла, что обсуждают происшествие перед кабинетом географии, разлетевшееся по школе со скоростью синкансэна.

– Я была свидетелем этой сцены! – воскликнула Варя, плюхаясь на диван рядом с Колесовым. – Ты переживаешь за одноклассницу? – спросила она его.

– Наверное, – Кирилл пожал плечами. – Хорошая девчонка, но такая неразумная!

– Знаешь, вся эта подростковая влюбленность, – Рин сделал паузу, помешал сахар и, немного помолчав, продолжил: – Словно сахарозаменитель. На вид простые белые шарики и вроде бы сладкие, но до полноценного сахара не дотягивают.

– Ну знаешь, – Варя немного обиделась. – Это не повод для таких злостных издевательств. Лично я считаю, что в этом Яковлеве нет ничего особенного. А девочку несправедливо мучают.

– Если хотите с этим возиться, то пожалуйста, – Рин отпил сладкий кофе. – Я в этом участвовать не собираюсь.

Кирилл уходил от мага, задумчиво провожая взглядом друзей. Говоря откровенно, мальчик не хотел каким-то образом вмешиваться в жизнь Юрьевой Насти. Но, однозначно, эта одноклассница была хорошей девочкой. Так он решил в конце августа. Стоял приятный нежаркий день конца лета, мальчик спешил в школьную библиотеку, чтобы перед новым учебным годом получить учебники (да-да, их родители не тратили баснословные деньги на закупку книг, за исключением всяких методичек и практических тетрадей). Конечно, после первого сентября Кирилл решительно мечтал скрыться в доме от накотившего чувства тревоги и одиночества, но это уже в прошлом.

Возле школьного кабинета библиотеки никого не было, а дверь оказалось запертой. Наручные часы показывали час дня – время обеда. Библиотека обитала на третьем этаже второго корпуса. Этим летом школу номер шестнадцать ожидал косметический ремонт: подкрасить стены, заменить трубы, подбелить потолки, оформить по-новому вестибюль, повесить зеркала, помыть полы и окна. В здании стоял характерный запах смесей и краски. Незаметно для себя Кирилл оказался возле железной лестницы на крышу, люк был открыт, сверху доносился какой-то тихий звук. Поддавшись внезапному порыву, мальчик поднялся, прислушался и огляделся. Посреди черной блестящей крыши замерла Настя Юрьева. В руках она держала отскеренные листы нот и пела а саррелла красивую колыбельную.

Чистый, тонкий голос заворачивал, околдовывал, отчего Кирилл не мог ни пошевелиться, ни двинуться с места, ни моргнуть. Голосу вторили звуки фортепиано, нежно лилась флейта, ему казалось, ноты проникают прямо в голову. Ветер подхватывал стройные линии нот, унося их над школой, развевая длинные волосы, резво ими играясь, окутывая пространство сладкой дремой. Голос затих, и Кирилл вырвался из оцепенения. Нечасто приходилось ему слышать чье-то пение, но это говорило о большом таланте. Он тихонько шевельнулся и покинул крышу.

Сцена, о которой ему поведал Одуванчиков, так же, как и Варя, находившийся в толпе и ставший невольным свидетелем, заставляла Колесова морщиться от холодного отвращения. Впрочем, Настя сама виновата. Кирилл зло дернул головой. Нет, этот Яковлев прекрасно мог пресечь глупые шепотки, тем самым защитив и себя, и Юрьеву. Поэтому обреченно вздохнув, мальчик поплелся на физкультуру, ожидая вестей от Вари.

После уроков, когда школа постепенно опустела, Игорек, Толик, Варя и Лена дежурили по классу: поднимали стулья, мыли доску, поливали цветы и готовились искать пропавшее кольцо. Шут развил бурную деятельность, мечтая поскорее приступить к более веселому времяпрепровождению. Он несколько суетился, размахивал руками и быстро, точно автоматная очередь, выстреливал словами. Говорил Игорек о чем-то совершенно нелепом, ничего не значащим, совсем не задерживающимся в голове. Толик с прытью меланхолика вставлял парутройку слов, скорее по инерции, чтобы хоть немного поддерживать беседу. Он между делом зевал, громко клацая челюстью. Сон для рыжего подростка всегда был желанным плодом. Лена молчала и сосредоточенно убирала стулья. Девочка помнила о своих снах и разных необычных происшествиях, но никак не могла найти подходящего времени для объяснения с подругой.

Дежурство заняло двадцать минут, Игорек облегченно выдохнул, довольно потер ладони и приступил выдавать распоряжения. Первым делом ребята направились на вахту, чтобы поинтересоваться, не находили ли технички каких-либо мелких дорогих предметов. Получив отрицательный ответ, Шут хмыкнул и повел друзей в учительскую, по дороге осматривая каждый уголок, каждую батарею, каждый подоконник. Осмотр результата не принес, и ребята завалились в учительскую, которая почему-то была открыта и пуста. Уроки закончились, но оставлять беспечно дверь, где хранятся классные журналы, не следовало. Однако сейчас им это только в плюс.

– Ты думаешь, кольцо где-то тут? – спросил Толик, разглядывая шкафы с папками, полочки, столы и диван.

– Да, я уверен, – ответил Игорек, прищурившись. – Я осмотрел все места, где побывал Викторovich, кроме учительской. Оно могло закатиться куда-нибудь.

– Может, его уже кто-то прикарманил себе, – бросила Лена.

– Возможно, – пожал плечами Игорек, – но я верю своей интуиции. Если бы кто-то нашел, наверняка не упустил случая нашептать приятелям о своем везении. Послушав за целый день разных личностей, я ничего полезного не вычленил.

– Ладно, давайте искать, – сказала Варя. – У нас мало времени.

Ребята прекратили перепалку и принялись исследовать учительскую. Варя облазила весь пол, ударила о ножку стула лбом, потирая больное место, она вытянулась, отметила перепачканные пылью коленки, и тоскливо посмотрела в окно. На подоконниках зеленели цветочные горшки, а на улице начался дождь. По оконному стеклу стремительно неслись водные дорожки, по ржавому навесу барабанили тяжелые капли, у мимо проходящих ветер вырывал зонты. Девочка вспомнила, что забыла и шапку, и зонт. Перспектива вымокнуть до нитки замаячила на горизонте.

– Нашел! – неожиданно громко произнес Толик, вылезая из-под столика и сдвинутого в сторону дивана. На его руке лежал старинный перстень из золоченого металла с каким-то красным камнем.

– Отлично! – отдувая от гордости щеки, воскликнул Игорек. – А сейчас бежим отсюда. Завтра отдадим кольцо Викторovichу, а он сможет помириться с женой!

Он поспешил вытолкнуть друзей из кабинета.

В субботу Игорек преподнес Роману Викторовичу находку, лучась довольством, аки начищенный самовар. Учитель географии так обрадовался, что забыл выпытать, откуда ученики прознали о его проблемах. Потом была физика, которую Варя совсем не понимала, но любила, как и все в школе, потому что этот предмет вел Пряжкин Прохор Игнатьевич – дедушка восьмиклассницы Оли, весельчак с седыми волосами, щегольскими усами и хитрыми умудренными голубыми глазами. На информатике, сдав опрос по теории, весь класс бездельничал, играя в игры оставшееся до звонка время. Последним уроком стояла физкультура, ребята сдавали нормативы. К Рину Измайлова в этот день не пошла, так как все еще немного обижалась, хотя, по сути, в этом не было никакого смысла. Третье воскресенье для Вари пролетело в домашних делах и подготовке борща к приезду дяди.

В понедельник девочка проснулась за пять минут до будильника. Необычайная бодрость наполняла отдохнувший организм. Варя оттаяла, испарив свою обиду на мага, такую мелочную и необъяснимую. Ей все равно нужно, чтобы Рин учил ее. Впрочем, девочке хотелось подружиться с ним, но он ловко уходил от вопросов, пресекая на корню и не желая рассказывать о себе. У него была привычка хмурить лоб, когда что-то не нравилось либо, когда в голове вертелась некая мысль. Еще он постоянно ел сладкое, утверждая, что таким образом поддерживает магическую энергию. Что именно за энергия Варя так и не узнала.

День начался с урока русского языка. Измайлова пришла в школу вовремя, даже прихватила зонт, но погода радовала сухостью и лишь многочисленные голубиные ванны напомнили о двухдневных непрерывных дождях. Фиолетовый лак, множество тоненьких косичек на голове, которые ей помогал плести Джо (удивительно, как он умудрился это сделать!), голубые джинсы и вязанная кофта из приятной темно-синей шерсти, резко контрастировали среди четкой черно-белой гаммы девичьей половины класса. Варя довольно скривилась и уселась за вторую парту рядом с Леной. На подруге было строгое платье в клетку кофейно-коричневых тонов. Света Копейкина отметила появление двух несносных девчонок и мстительно сузила глаза, не собираясь оставлять явное нарушение собственных правил без внимания.

Алина Николаевна впорхнула в кабинет, словно птичка. На стенах мятного оттенка висели портреты писателей: Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Гоголя. Впереди зеленела болотным цветом доска, с написанной датой. В конце кабинета выселись книжные шкафы, стол учительницы ломился от бумажек, тетрадей, методичек и пишущих принадлежностей. С напряженным и несколько суровым выражением лица Алина Николаевна написала на доске тему: «Употребление устаревшей лексики и неологизмов».

– Итак, – начала она, вытерев пальцы о мокрую тряпку, и села за стол, – архаизмы – это слова, вышедшие из употребления и замененные новыми. Например, лицедей – актер. Так, товарищи на последней парте, я не мешаю вам дискутировать?

10 «В» пораженно замер. Похоже, молодая учительница за три недели пообтерлась и больше не боялась несносных детей. Копейкина сморщила нос. Катя Дмитрива завертела головой, чтобы рассмотреть к кому она обращается. Четверо постоянных троечников – Конев Паша, Мышкин Денис, Крышкин Сережа и Ручкин Дима – что-то с увлечением обсуждали. Они говорили о новой игре, вышедшей недавно от известной компании. Когда к ним обратилась учительница, ребята замерли и, изобразив на лице раскаяние, принялись внимать уроку.

– Историзмы – это слова, называющие вышедшие из обихода явления, предметы или понятия. Например, боярин. – Продолжала тем временем Алина Николаевна. Ее твердый взгляд блуждал от одного ученика к другому, пресекая посторонние действия. – Историзмы и архаизмы употребляются в художественной литературе для воссоздания колорита эпохи; уместны они и в исторических работах. Архаизмы, кроме того, используются для создания торжественности речи, иногда они придают ей иронический характер.

Варя радовалась такой перемене классного руководителя. Хоть какая-то управа на Копейкину и ее свиту. Алина Николаевна закончила с теорией и до конца занятия дала упражнение из учебника. Звонок на перемену десятиклассники встретили радостным молчанием.

Варя хоть и изъявила желанием как-то поддержать одноклассницу Кирилла, но совершенно не представляла каким образом это сделать. Лезть с советами, когда не просят – неприлично и бесполезно, а если бы измениться можно было по мановению волшебной палочки, Юрьевна справилась бы самостоятельно. Поэтому Измайлова после первого урока рассказала обо всем друзьям. Точнее только про Юрьеву Настю. О своем знакомстве с Рином и о магии девочка тактично умалчивала. В действительности, она просто понятия не имела как о таком можно поведать. Чтобы на нее смотрели, как на больную? Нет уж, увольте.

Ребята внимательно слушали, не перебивая: Игорек в конце задумчиво играл бровями, Толик многозначительно зевнул (чего еще ожидать при его полном отсутствии эмоциональности?), Лена нервно кусала губы. Но идеей друзья прониклись, пообещав, что обязательно помогут. Варя облегченно выдохнула. Все это она поведала перед биологией, которую преподавала Апельсинова Елизавета Карловна – маленькая, полноватая, с множеством морщинок, женщина около пятидесяти. Темные с проседью волосы она завязывала в тугий пучок, закрепив какой-нибудь заколкой с цветком или пером, или камнем. Одежда учительницы всегда была классического стиля: однотонные блузки, юбки, брюки. Характер ее строгий, несколько педантичный, вызвал в учениках или уважение, или страх, из-за требовательности, какую она проявляла к своему предмету. Пройдя за кафедру, Елизавета Карловна обвела тридцать учеников 10 «В» цепким взглядом серых глаз и начала рассказывать тему урока: «Углеводы и их роль в жизнедеятельности клетки».

Варя сидела рядом с Леной, послушно писала конспект и невольно вспоминала Марину Олеговну – худощавую блондинку в очках – классную руководительницу до десятого класса, которая тоже преподавала биологию и химию. Ее уроки были веселы и интересны, а сама она доброжелательна и терпима к выходкам своих учеников. Сколько всего Игорек и мальчишки-одноклассники наделали! Какая ностальгия. Хотя прошло всего несколько месяцев. Слушая про классификацию углеводов, Измайлова нарисовала в тетради Лены смешную рожицу. Та ответила рисунком смайлика. Внезапно на стол передали записку, в которой Копейкина требовала девочкам явиться после уроков в кабинет тридцать четыре. Несколько лет назад там вели уроки геометрии, но сейчас кабинет отдали на более прозаические нужды – хранение какого-либо хлама. После небольшого совещания они решили пойти. Любопытство сильнее здравого смысла. Задав кучу домашнего задания и сказав готовиться к тесту, Елизавета Карловна закончила занятие, прозвенел звонок.

– Знаете, о чем я подумал? – спросил Игорек после физкультуры и похода в столовую, взяв в оборот Кирилла, сосиску в тесте, йогурт и апельсин. – Скоро День учителя! – продолжил он, когда никто не отреагировал. Обосновавшись на подоконнике неподалеку от столовой, захватив почти весь завтрак с собой, ребята приготовились делиться идеями. Кирилл подошел к ним сам, желая переговорить с Варей, но тут же был перехвачен Шутом и подвергся тотальному допросу. Выведав все подробности и мысли нового приятеля, Игорек довольно кивнул, что-то про себя решая, и принял мальчика в их компанию. Услышав историю про крышу, которую и Варя слышала впервые, Игорек заметно оживился.

- Не так уж и скоро, – сказал Толик, пытаясь остудить друга, – еще две недели.
- Ну и что, – пожал плечами тот. – Как раз будет время чтобы подготовиться.
- И что ты опять задумал? – спросила Лена.

– Все будут поздравлять учителей – это очевидно. Поэтому мы используем способности этой девочки с двойной пользой: она станет увереннее в себе и сделает подарок всему преподавательскому составу. Надо внести это предложение в школьный совет.

– Видимо это нам с Леной и предстоит, – хмыкнула Варя.

– О чем ты? – Игорек удивился.

– Неважно, но можешь быть спокоен, мы с Варей берем это на себя, – ответила Лена.

Шут согласно кивнул, распорядясь дальше. Конечно же, Кириллу предстояло поговорить с Настей, донести идею ребят, получить твердое «да» и привести подопечную к ним. Колесов только мысленно вздыхал, не представляя, что будет говорить.

Школьный совет школы номер шестнадцать состоял из восьми человек: четыре старосты от десятых классов, четыре старосты от одиннадцатых классов. За 10 «В», естественно, отвечала Копейкина Света. Высокая, как каланча, с натренированными мышцами, спортсменка-универсалка, с короткими каштановыми волосами и глазами янтаря Деникина Аня – представляла 10 «Б». Она сидела рядом с Копейкиной, сложив руки на столе и чуть сторбившись. На ней была спортивная форма, так как потом девочка собиралась на тренировку по волейболу. 10 «А» и 10 «Г» имели в старостах братьев, почему-то учившихся не вместе, а в параллельных классах. Невысокие, рыжие двойняшки с несносным, эксцентричным характером Андрей и Леша Белых. Из одиннадцатиклассников присутствовали: Максимов Боря, симпатичный ученик 11 «Б», с вечной думой на лице; Дмитрова Женья – старшая сестра правой руки Копейкиной – высокая девочка со спокойным характером из 11 «В»; Подлямкина Зоя, светловолосая и нервная, чем-то похожая на Свету, отчего они постоянно цапались, особа из 11 «Г». И – вот так сюрприз! – Леонид Потапов, он же маг Рин, собственной персоной!

Варя Измайлова с огупелым изумлением смотрела на него, не зная, стоит ли реагировать или нет. В почти черных (на самом деле темно-карих, почти сливающихся со зрачком) глазах мага гуляли смешинки, плясали бесенята, на губы рвалась станцевать озорная улыбка. Партизанское молчание о своей жизни неожиданно разозлило девочку, и она поспешно перевела взгляд, чтобы не высказать ненароком претензии.

– Зачем ты позвала на наше собрание посторонних? – спросил Боря, прокручивая в руках ручку. Та грациозно перемещалась между пальцами.

– Чтобы озвучить наказание в связи с нарушением правил внешнего вида! – блеснув глазами, ответила Копейкина.

– Какое еще нарушение? – возмутилась Лена. – В уставе школы нет никаких требований по данному вопросу. Главное, чистота, опрятность и правила приличия. Мы так и одеты. Если у вас вкусы к черно-белой гамме, то это ваши проблемы. Злоупотребляете властью, сударыня, – ехидно закончила Морозова, сверля Свету неприязненным взглядом.

– В точку! – неожиданно хохотнула Аня, которая не любила склок, подлостей и прочих теневых игр. Прямота нравилась ей куда больше.

– Я ничем не злоупотребляю, – скрипнув от досады зубами, произнесла Копейкина. – Но в нашем классе есть порядок, который необходимо соблюдать.

– Да ладно тебе, – подал голос Рин, все еще пытаясь не смеяться. Под его взглядом Света заметно стушеввалась. Конечно, любовь всей ее жизни только Самойлов, но Потапов действовал на нее не хуже валерьянки. – Давайте лучше послушаем, что у девушек за предложение к нам.

Варя уже не удивлялась осведомленности мага, скорее всего Кирилл побывал в камерке второй раз, а может Рин применил для добычи информации магию. Измайлова продолжала его игнорировать, поэтому идею, озвученную Игорьком, излагала Лена. По лицам господ-советников замелькал неподдельный интерес. Видимо, ребята сами еще не успели подумать, как поздравить учителей, загруженные более прозаичной работой. Обговорив детали, девочки покинули кабинет тридцать четыре.

Сквозь узкое решетчатое окошко проникали запахи первого месяца лета: сухой, еще не жаркий ветерок нежно поигрывал флагами, тканями палаток, бельем, что мелькало цветными пятнами на каменных балконах двухэтажных домов горожан. С набережной доносились крики чаек, по мостовой звонко постукивали копыта лошадей, по-старушечьи скрипели телеги, молодо катились дорогие и блестящие белым кареты. Со стороны дворцовой площади, по форме похожей на изрезанный многоугольник, лилась мелодия свирели, флейты и трубы. Что-то радостно-веселое пела музыка. Солнечный свет падал на дома, деревья, кусты, и создавал непередаваемую игру теней на мостовой.

В коротком вздохе семнадцатилетней девушки слышались ноты отчаяния, тоски и скуки. Надежда умерла после тщетных попыток открыть деревянную дверь, обитую железными полосами. Кольцо не поддавалось, сколько бы она не тянула за него. Ее комната стала привычной камерой длительного заключения. Ни мягкая кровать с толстой периной, каждый день тщательно взбиваемой старой нянькой, ни притягательный ковер лучшей работы светлых ильхов, ни мольберт с новыми красками от шаманского княжества, ни книги, ни золотые нити для плетения кружева – ничего не могло скрасить эту пытку. Сколько бы подарков не привозил отец, лицо Тарии не меняло хмурого и обиженного выражения.

Все началось полгода назад. В один из зимних дней она гуляла с подругами во дворе Школы. Погода оставляла желать лучшего: низкое небо, стремительно падающий снег, почти метель; голые деревья, чуть прикрыли стыдобу ветвей, дорожки сковал ледный налет, так что кожаные сапожки пытались проехать, из окон Школы подмигивали желтые, свечные огоньки. Мороза не было. Падающий снег слепил глаза, залетал в рот со смехом и мгновенно намочил головной платок.

Они бегали по заснеженному дворику, шутливо кидались плохо комкающимся снегом, толкались и захлебывались смехом. Тария разоглась. Разгоряченное лицо пылало от свежести улицы и внутреннего задора. Сапожки заскользили, затормозить становилось все сложнее, впереди вырос маленький камешек, девушка упала и стукнулась головой. Из глаз брызнули искры. Мир завертелся конным хороводом. Сознание выпрыгнуло в узкую щель мироздания, а рот уже всю декларировал четырехстопные предсказания. Содержания их вытерлись из памяти, но лица подружек выглядели белее снега. На следующий день отец забрал Тарию из Школы.

Девушка яростно барабанила кулаками по двери, надеясь, что старая нянька где-то поблизости, глотая злые горячие слезы, разъедавшие душу. Полгода взаперти, максимум передвижений – до гостиной или кухни; полгода вредных гувернанток, с лицами жаб, характерами крокодила, манерами педанта; полгода проверок дара, попыток выпытать самое простенькое предсказание. А какие глаза делала матушка! Ненавидные или настороженные, главное, чтобы не подходила близко. Даже теперь, когда она привыкла, нет-нет, да мелькнет испуг.

Тария перестала барабанить и опустилась на колени, лбом прижимаясь к двери своей клетки. В какой-то степени золотой. Отец проделал столько всего, чтобы уберечь нерадивую дочь от нападков со стороны короля Айриута и Мудрых рас, для которых Прорицательский дар лакомый опасный кусочек. Со стороны лестницы послышались торопливые шаги. Она поспешно подорвалась и отскочила в сторону, размазывая слезы по лицу. Алая коса подпрыгнула следом.

В комнату ворвалась нянька. Тяжелый взгляд полной, мягкой, румяной женщины смерил пленницу. Оправив синее платье из дешевого сукна, нянька прошла внутрь. Хлесткая пощечина оставила красный след на щеке Тарии. Та зло засопела, собираясь возмущаться, но старушка подошла вплотную, гневно шипя:

– Тария Лаэрта Мариэна ди Эстер! – в глазах няньки отчетливо читалось негодование. – Немедленно прекрати истерику, девчонка. К твоему отцу пожаловал граф Дэллгрин по вопросу

о сотрудничестве. А ты сцены закатываешь, – она покачала рано поседевшей головой. – Еще подумает о твоём батюшке невесть что. Посиди, потерпи, я обязательно вернусь и выслушаю все твои пожелания.

Деревянная дверь со стуком хлопнула. Тария надулась от обиды и, плача, принялась пинать подушку, от которой разлетались перья...

Поворот на бок скинул Лену на пол. Ей хотелось взвыть от очередного богатого на эмоции сна и осушить графин с водой. Она тянула с разговором, не находя подходящего времени или повода. А честно говоря, девочка боялась, что, Варя не поймет или, что еще хуже, не поверит и не придаст никакого значения. Подумаешь, сны! Сны видят все, но от этого никто не умер. Выпив пол-литра воды, Морозова сверилась с часами. До подъема оставалось немного. Забравшись под одеяло, девочка взяла книгу.

10

Колесов Кирилл вздохнул. Простер глаза к потолку и снова вздохнул, более продолжительно и более обреченно. Сел на корточки, обхватив голову костлявыми руками, покачался из стороны в сторону, резко вскочил. Подпрыгнул, запасаясь решимостью, и двинулся вперед. Неожиданно замер, словно налетел на невидимую стену, помотал головой, точно с кем-то не соглашаясь, пошел назад. Прodelав такой зигзагообразный путь несколько раз, мальчик застонал от неизбежности ситуации и плюхнулся в кресло перед компьютером. Начиная с понедельника, после разговора с Игорьком, Кирилл изводил себя необходимостью поговорить с Настей, точнее уговорить участвовать в собственном улучшении. Он считал, что от девчонок одни неприятности, и они совершенно не способны думать рационально, а про логику даже не слышали. И что за ерунду выдумали про мужскую и женскую логику? Кирилл уверен в одном – или есть логика, или нет. Крутя кубик-рубик, мальчик выразительно поморщился. Наверняка Настя начнет пугаться, стесняться и рьяно отказываться, даже не попытавшись. Да еще заладит, что вовсе не талантлива. Ох эти люди с заниженной самооценкой!

Думая об одном и том же весь вечер, Кирилл продолжал собирать кубики-рубики: их у него было около десятка. Складывался один, собирался второй, ровный рядок выстраивался на столе. Мальчик с удивлением оглядывал дело рук своих. Оставив их в таком положении, Кирилл отправился спать.

Утро четверга началось для Кирилла с родительских увещеваний на тему теплой одежды, положительных оценок и хорошего поведения. Лицо сестры после сна казалось чуть опухшим, в глазах, спрятанных под стеклами очков в яркой оправе, виднелся извечный недосып студента. Она сонно завтракала кофе с бутербродами, хотя каждый раз клялась пристраститься к овсянке, как более полезному питанию. Сам Кирилл ограничился какао с печеньюшками и стремительно отправился в школу.

Первым уроком значилось обществознание. Скучный преподаватель по имени Савок Игорь Николаевич вел лекцию стоя, периодически делая несколько шагов вправо или влево. При этом руки он держал в молитвенном жесте, прижимая к груди. Речь была тихой, спокойной и бесцветной. На уроках Игоря Николаевича ученики, даже самые стойкие, невольно склоняли головы к парте, глаза захлопывались сами собой, сон подкрадывался незаметно. Тема сегодняшнего урока: «Наука в современном обществе» мало заинтересовала Колесова, но он старательно конспектировал. Вернее, рука писала, мысли же блуждали свободно. Рядом с Кириллом, широко улыбаясь, сидел Одуванчиков Ярослав. С каких пор этот задиристый индивидуум стал его приятелем, Кирилл так и не понял, но Одуванчиков светился доброжелательностью.

Первую попытку завести разговор Кирилл предпринял сразу же после первого урока. Едва прозвенел звонок, мальчик решительно поднялся, смел одним движением вещи в сумку и собирался словить Настю, но перед ним выросли ребята, клянча тетрадь по алгебре, дабы списать домашнее задание. Колесов, вздыхая, поделился священными записями. Вторая попытка

пришлась после второго урока – уже упомянутой алгебры, где они писали проверочную работу – он собирался поймать Юрьеву возле дверей. Его снова отвлекли, а девчонки упорхнули переодеваться на физкультуру. Не понимая, что за закон подлости опустился на него, Кирилл тихо злился и мечтал кого-нибудь покусать. Выпустив пар на волейболе, восьмой класс отправился в столовую.

Семья Насти Юрьевой состояла из пяти человек: мамы Ольги Алексеевны, учительницы младших классов, работавшей в другой школе; папы Сергея Михайловича, майора полиции, двух младших братьев – Игоря одиннадцати лет и Максима восьми лет, и самой Насти. А также овчарки Кипяток и кота Шампунь. Родители девочки постоянно работали, поэтому домашние дела распределялись по графику. Несмотря на занятость, отец воспитывал Настю и братьев в строгости, из-за чего в друзьях у Юрьевой ходили учеба да Оля Пряжкина, проживающая в соседнем доме. В голове у Насти обитали учеба, книжные истории и любимая музыкальная школа. Девочка мечтала поступить в музыкальное училище после девятого класса, а дальше пойти в консерваторию, но родители считали ее выбор нерациональным и утопическим.

Ее влюбленность в Яковлева Антона случилась в прошлом году во время подготовки к новогоднему концерту в актовом зале. Он был очень вежливым, добрым и начитанным, что для нее, как отличницы, оказалось решающим. Обычно мальчишки задирались или глупо шутили, особенно над очками (хотя очки были вполне нормальными). Лужайкина Кристина состояла с Настей в приятельских отношениях. Она красиво пела и уже сочиняла музыку, чем восхищала Юрьеву. Про Антона Настя проговорилась случайно, зато теперь пожинала плоды своей глупости.

После той сцены она все время старалась не смотреть другим в глаза, казалось, слава о ней облетела всю школу, сделав из нее «звезду» номер один. Оля злилась и хотела, чтобы подруга перестала вести себя как затравленное животное. Настя же вымученно улыбалась, говоря, что все утрясется.

– А вот и ты! – обратился к Насте русоволосый десятиклассник с широкой улыбкой на лице. – Я Игорь. И у меня для тебя новость.

– Какая? – Юрьева испуганно сжалась.

– Готовься спеть на День учителя! – ответил Шут. Игорек догадался, что Кирилл не сможет поговорить с девочкой, поэтому примчался на помощь. – Это желание школьного совета, и отказ не принимается! – категорично закончил он.

– Здорово, – сказала Оля. – Отличная возможность утереть нос всем недоброжелателям. Она согласна, – ответила за подругу девочка.

Игорек просял, довольно подмигнул и исчез в толпе, шедшей в сторону первого этажа. Настя стояла, замерев, не в силах произнести ни слова.

– Так почему сахарозаменитель? – спросила Варя, удобно расположившись на кожаном диване. Этот диван обладал фантастической притягательностью, войдя в каморку мага, так и хотелось присесть на него. Рин переставлял книги на стеллаже. Протирал полку от пыли, затем книгу, читал название, слегка хмурился и раскладывал их в определенном порядке. Магию для этого дела он не использовал принципиально, считая, что книги требуют к себе трепетного отношения.

– А что здесь не понятного? – монотонно спросил Рин, отложив тряпочку и опустившись в кресло. – Это просто сравнение такое. Вот ты влюблялась уже?

– Не думаю, – Варя пожалала плечами. – Встречалась в прошлом году с одним мальчиком.

– И что? – Рин сцепил руки в замок, пылливо разглядывая свою ассистентку. – Какие ощущения? – она промолчала, а он продолжил: – Наверное что-то вроде: «Было любопытно, как это бывает, но высокие чувства отсутствовали!» Да, так и было, – закончил Рин, с равноду-

шем отметив, как у Вари округлились от растерянности глаза. – Поэтому я и говорил о сахарозаменителе: кажется, одно, а на деле другое. Хождение за ручку – это всего лишь всплеск эмоций, а не глубина чувств.

– Ясно, – выдавила Варя, решив, что он прав. В прошлом году у Измайловой появился первый парень. Веселый и непоседливый юноша Порошин Андрей. Для Вари он составлял микс из Толика и Игорька: с чувством юмора, но более спокойный, вечно что-то сочиняющий, а главное, такой же любитель читать фантастику, как и сама девочка. Они много проводили времени вместе, гуляли, поцеловались. Но, пожалуй, ею двигало любопытство, желание узнать, как это, с кем-то встречаться. Измайлова подозрительно посмотрела на Рина, уж не читает ли он мысли? Но на лице мага сохранялось спокойное выражение.

– В ваших книгах найдется множество интересных мыслей на эту тему, – продолжал Рин, поджав ноги в коленях и чуть сгорбившись, тем самым полностью уместаясь в кресле. – Особенно мне нравится Фромм. Он писал: «Любить – всегда значит отдавать, а также заботиться, нести ответственность, уважать и знать». ²Потрясающее заключение! – в его обычно спокойных глазах заблестел восторг. – Поэтому возиться с чем-то незначительным – лишняя трата энергии.

Варя продолжительное время вглядывалась в лицо мага. Его слова явно несли правильный посыл, но им – тринадцати-пятнадцатилетним школьникам – довольно трудно понимать творения великих людей. Первые чувства – всегда первые, поэтому проблема Насти Юрьевой не казалась ей незначительной. Здесь мысли девочки повело в другое русло: а сколько же лет тогда Рину? На вид ему было семнадцать лет, по странному поведению не больше, в действительности же, это тоже оставалось тайной.

– Ты должен научить меня защищаться! – меняя тему, сказала она. – Эти жуткие облакообразные эмоции побывали у меня в квартире!

– Хорошо.

Сегодня Рин был покладистым, терпеливым и явно получал удовольствие от обучения. Варя лежала на диване с закрытыми глазами и слушала инструкции. Это напоминало задание по практической психологии: спокойным голосом Рин говорил ей расслабиться и представить себя в каком-нибудь месте. Сначала в лесу, затем возле моря, в горах, на вершине высотного здания, на улице посреди толпы. Измайлова постоянно носила камушек после упражнений в ванной. Возможно благодаря ему, возможно нет, но девочка представляла все очень четко, до мельчайших деталей, словно в действительности находилась там, куда направлял голос мага. Далее он сказал представить, как тонкие золотые нити оплетают девочку, как с каждой новой нитью тело укрепляется, покрывается ими, точно катушка. Когда нитей оказалось много, Рин что-то шепнул и кокон закрепился на тело, будто влитой, стал второй кожей.

– Достаточно, – открывая глаза, услышала Варя. – Теперь можешь не опасаться. Снять его трудно. Уже начало темнеть, тебе пора домой.

² Э. Фромм «Искусство любить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.